

СМЕНА

16
1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото В. Гилленрейтера.

Четыре года назад участники IV Всемирного фестиваля молодежи развлеклись в родные края из гостеприимной столицы Румынской Народной Республики, увлекли с собой покорившую всех лирическую песню-вальс «В любимом Бухаресте». Эта песня стала популярной и в Советском Союзе. Ее написал молодой румынский композитор Мауричу Вескан, которому вскоре была присуждена Государственная премия Румынии.

Мауричу Вескан начал сочинять песни еще в годы борьбы румынского народа против фашистского ига. В то время композитор создал несколько революционных песен. Но особенно ярко расцвел талант молодого композитора в условиях народной республики. Им написано около 50 музыкальных произведений песенного жанра. С осени прошлого года Мауричу Вескан совершенствует свое профессиональное мастерство в Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского.

В этом номере мы печатаем одну из последних песен румынского композитора.

ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА
«СМЕНА»

Считаю большой честью и испытываю чувство радости по поводу предоставленной мне возможности адресовать несколько слов читателям журнала «Смена».

Я хочу выразить мою искреннюю любовь к советской молодежи и восхищение ее героическими подвигами, которые вдохновляли и вдохновляют румынского молодого человека в борьбе за построение социализма. От всей души желаю юным людям советским друзьям полного успеха в претворении в жизнь великих идей коммунизма.

М. ВЕСКАН

Слова Эуджена ФРУНЗЕ.

Музыка Мауричу ВЕСКАНА.

Умеренно

Ты слышишь трепет листьев!
В мир опять, опять пришла весна.
И песней соловьиной
Нам с тобой в сердца вошла она.
Как привольно дышитесь ей
В городках зеленых,
И в садах, и в тиши полей,
И в душе моей!
Любимая, ты слышишь?...
Я живу, живу тобой одной!
Ты стала мне весной,
Я живу круглый год весной!

Я много разных песен знаю
И не забуду ни одной...
Но эта песенка простая
Мне ближе с каждою весной.

И этой теплой, лунной ночью
Пою я про любовь мою,
И в садах, и в тиши полей,
Тебе я снова пропою:

Ты слышишь трепет листьев?
В мир опять, опять пришла весна.
И песней соловьиной
Нам с тобой в сердца вошла она.
Как привольно дышитесь ей
В городках зеленых,
И в садах, и в тиши полей,
И в душе моей!
Любимая, ты слышишь?...
Я живу, живу тобой одной!
Ты стала мне весной,
Я живу круглый год весной!

Перевел с румынского
Борис БРЯНСКИЙ.

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Август. № 16. 1958 год.

Год
издания
35-й

РИ

Иногда из них доводится жить в этом доме...

Интересна и разнообразна жизнь организаторов нашего многомиллионного комсомола. Где бы ни находились комсомольцы — в тайге или в шахтах, на заводе или в совхозе, — каждый из них живет богата событиями, каждый день не проходит бесследно. Корреспонденты «Смены» провели три дня в одной из таких домов, ничем не выделяется организатора — комсомольца цеха первого цеха Московского завода «Динамо» имени С. М. Кирова. Неме мы публикуем их репортаж.

Эльза БАДЬВА

Фото Петра Носова.

Четверг

Подходит и конюра рабочая смена. Станок Гали Михеевой четко отсчитывает, словно отсчитывает, каждый пробитый шунт — маленькую деталь из кулачковым элементом. Движе на глаз Гали может определить, что сменное задание уже выполнено и станок отсчитывает теперь сверхплановые шунты.

Маленькая, хрупкая Галиа вдруг вздрагивает: на ее плечо ложится чья-то тяжелая рука. — Не забудь, — говорит Рита Мирзоян. — Сегодня в шесть. С легким сердцем. — Знаю, — кивает Галиа.

Рита еще долго стоит у ее станка, потом неслышимо подходит к Алле Абрамцевой. Алла разговаривает с ней тоже коротко и тоже продолжает работать. Тогда Рита медленно, вразвалочку бредет обратно, на механический участок, включает станок, обрабатывает одну втулку и опять выключает...

О предстоящей волеволюбной встрече с командой детского цеха знают все. Мирзоян уже дважды опознала участников игры, так что нет необходимости напоминать еще. Но Рита не хочется работать, и она отыскивает причины, чтобы лишней раз уйти от станка. Задание, наверно, опять отстоит невыполненным, и мастер опять будет врать, что Мирзоян плохо работает, что она ленива... Рита подбегает высветившимся из-под косынки волосам и наконец решительно направляется к питьевому фонтаничку. Пить ей не очень хочется, но зато есть возможность еще раз прогуляться по цеху.

А после смен, когда комсоргу сообщают предварительные результаты работы комсомольцев за этот день, Толя Русанов хватается за голову: против фамилии Мирзоян черным маркером жирно выведена цифра «80%». Комсорг пробегает глазами весь список: Мирзоян—220, Михеева—118, Голубовича—100, Хлупов—170, Климов—150... У всех остальных хорошие проценты. За ними — обслуживающие цеха, собранные нонконтролеры, тормозные магниты, электроаппараты с усло-

ным названием «тропические», которые завод изготавливает по заказу Индии. Но за этими цифрами не только контроллеры и магниты. Эти цифры раскрывают разные характеры, взгляды, разное отношение комсомольцев к труду. Не все пришли в цех умышленно и трудолюбивыми. Со многим пришлось хлебнуть горя, и каждому надо было найти особый подход. И невольные мысли о Мирзоян несколько наводят комсорга на воспоминания о том, как трудно принималась в коллективе Валентина Климова.

Два года назад он был самым близким товарищем. Постоянно не выполнял нормы, опаздывал, прогуливал. Были случаи, когда мастер кричал в кабинете начальника:

— Людья держим, бездельница! Гнать его надо! Вес чех позорит!.. Начальник вызвал комсорга и просил мастера:

— Повторите. При нем повторите. Мастер добросовестно, с тем же темпераментом повторил характеристику токаря Климова. Комсорг чувствовал себя мерзко, будто не Климова, а его, Русанова, ругает мастер. Уходя из кабинета начальника цеховая злая. Он напустился на Климова, говорил с ним резко, без обиняков и сантиментов. Парень выслушивал, а извастра являлся в чех с опозданием на полчаса. Нехотя брался за работу, запарывал несколько деталей, с грехом пополам делал половину задания и за полчаса до конца смены выключал станок. Внутренни он к чему не приводили.

Тогда Русанов решил подойти к этому парню с другой стороны: став настоящим приглядывать на комсомольские вечера, массовки, в кино, театры, куда молодые рабочие ходили веселой, шумной компанией. Климов, всегда державшийся особняком, стал понемногу сходить с ребятами, и постепенно его занятиями стала комсомольская жизнь. А ребята увидели за его внешней беззаботностью и неорганизованностью совсем неплохого человека. И стали бороться за этого человека всем коллективом.

Валентина, конечно, не чувствовала этой борьбы. Ему казалось: просто приятнее и внимательнее стали относиться к нему комсомольцы, не допускали какой-либо жесткости, когда он заслуживал этого. И действительно, комсомольцы отоспикси и Валентину терпимо, выжидательно, они как бы приняли его в свою

семью, поверили ему и ждали, чем он ответит на их доверие.

Троило Валентина доверие ребят или стыдно наконец стало быть хуже других, — он не сумел разобраться, но только не смог больше жить прежней жизнью. Ему тоже необходимо стали комсомольские поручения, общие заботы. Он первоначально наконец сменное задание и испытывал настоящую радость труда. И эта радость тоже стала необходима.

И вот наступило время, когда в кабинете начальника цеха мастер так же темпераментно говорил о Валентине:

— Климова, а! Молодец! Этак он и Мирзоянка оставит!

Начальник цеха вызвал комсорга и опять просил мастера:

— Повторите... Русанов выслушивал щедрую похвалу и смущаясь так, будто отоспикси она не только к Вале Климову, но и к самому комсоргу. Англий испытывал гордость от сознания того, что бесшабашный Валка Климов стал дисциплинированным рабочим, прекрасным токарем. И это еще не все. Валка Климов стал замечательным парнем, которому можно доверять, как самому себе.

Но как же быть с Мирзоян? Все в цехе недовольны ее работой, открыто говорят ей об этом, допекают злыми остротами и все-таки очень любят. Она веселая, добрая девушка, одна из лучших активисток цеха, прекрасная спортсменка. Вопреки установившимся комсомольским традициям не избирала в бюро плохих производственников и ее выбрали в состав бюро. Сигнали, что после этого она будет ответственно относиться к работе. И вот Рита на совесть трудится в бюро, ведет спортивный сектор. Она организует тренировки, устраивает встречи. Благодаря ее заботам спортивная жизнь в цехе бьет ключом. На субботниках, на молодежных вечерах Рита веселая, неутомимая, изобретательная. А как станет за станок, будто бы ее подменили.

— Надо, наверно, с «ней поговорить», — сообщает комсорг.

Он выходит из контрори и сталкивается с Ритой.

Оживленная и озабоченная, она выбегает на лестничную клетку, но внезапно останавливается и задумо спрашивает:

— На стройку идете?

— Конечно,— строго отвечает Русанов и проходит мимо.

А Рита озарно кричит вслед: — Мысленно «побойте» за нас: в шесть часов с литейным играем!

...Комсомолцы каждой цеховой организации раз в две недели после работы участвуют в строительстве жилых домов для рабочих «Дневно». Они выполняют подсобные работы и этим очень помогают строителям. Сегодня помощников встречает мастер Василий Кузнецов. Вместе с ним ребята поднимаются на пятый этаж строящегося дома, и перед ними открывается широкая панорама Алтосамоодского района: новые улицы, бесшашенные краны, а с другой стороны — спокойный разлив Москва-реки.

Ребята разбирают лопаты и за два часа очищают от кирпича и мусора все квартиры пятого этажа, а девушки убирают песок из подвального помещения. Кому-то из них, возможно, доведется жить в этом доме.

Пятница

В обеденный перерыв срочно собираются в номер. Толя Русанов занимает место за столом, у окна садится посеребрившийся Анатолий Мирошкин. Приходит Рита Ванюшина и Женя Носиков. Незаметно, боком просякзывают в комнату слесари со сборки контроллеров Владимир Хомяков и Виктор Раззаренов. Они присаживаются на краешек дивана и сидят молча, не поднимая головы. А когда в дверях появляются рабкеры цеховой комсомольской газеты «Молодежь», ланчи совсем падают духом. Присутствие рабкоров Аллы Салавандовой, раздатчицы инструментов, и слесаря Толи Белобородова не предвещает ничего хорошего. Алла и Толя с достоинством занимают места и если не вынимают блокноты, то только из скромности. Однако всем в цехе известно, что рабкеры обладают и прекрасной памятью и острым слухом. Недаром «Молодежь» — одна из лучших газет на предприятии.

Толя Русанов оглядывает собравшихся с недоуольно змурится: опять опаздывает Мирзоян! Все успели за полчаса пообедать, а она, кем всегда, заставляет себя ждать. Наконец Рита приходит, и комсорг открывает заседание бюро.

— Хомяков,— строго говорит Толя Русанов,— почему ты вчера опять не был на строительстве дома!

Анатолий Мирошкин знает как лучшего provvedimentiника и хорошего активиста. Потому что в выбрали его в цеховое комсомольское бюро.

— Я предлагаю выговор! — разрубает тишину Толя Мирошкин. И Хомяков чувствует, что голосует за этот выговор единогласно.

Волода поднимается с дивана, стоит у стола смущенный и растерянный.

— Не мог...

— Это как же «не мог»? А мы все почему могли? Ты решение комсомольского собрания знаешь?

— Не мог,— упрамо повторяет он,— занят был в этот вечер.

— Если занят, предупредить надо! — строго обрывает Русанов.— Да ты, кстати, уже три дня «за»!

Хомяков чувствует сейчас, что у него действительно есть совесть. Ребята смотрят недружелюбно, осуждающе, и под этими взглядами щекотать его начинает заливающаяся краска стыда. Он теперь вспоминает все подробности этого решения. Комсомольцы завода постановили отработать на строительстве жилых домов по двадцать часов. За это комсомольская организация получит десять комнат, которые комитет комсомола распределит по своему усмотрению.

— Я, в следующий раз... пойду,— глухо говорит Хомяков.— Отработаю.

Что-то резкое произносит Мирзоян, его поддерживает Мирзоян, а потом раздается возопознанный голос Раи:

— Вадь ты что мне ответил, когда я спросила, почему не был? Что!

Хомяков сжмывается, как от удара, и опускает голову еще ниже.

— Ты сказал: «Один дураки на субботники ходят».

Странные слова тяжело падают на напряженную тишину.

— Пощупай это я,— чуть слышно оправдывается Хомяков.

— Пощупуй! — угрожающе перешаркивает Мирошкин.

И Хомяков впервые начинает понимать, что бросил эти отарательные слова, как шлепки грязи, во что-то чистое и очень дорогое всем этим ребятам.

— Я предлагаю выговор! — разрубает тишину Толя Мирошкин.

И Хомяков чувствует, что голосует за этот выговор единогласно.

Виктора Раззаренова, который в этот раз тоже не пришел на субботник, но которого все-таки нельзя считать злостным нарушителем комсомольской дисциплины, члены бюро строго предупреждают.

— Команда сивена. Девчата обтирают станики, умываются, но домой не уходят. Они собираются в красном уголке и начинают уборку. Выносят старые витрины, газеты. Составив столы, устраивают помост и лезут мыть высокие окна. Стелка постепенно светлеет, комната красного уголка становится веселее, привлекательнее. Возникает мысль: отремонтровать красивый уголок, перекрасить стены в более светлый цвет. Толя Русанов идет за начальником цеха, а когда тот появляется в красном уголке, его обступают возбужденные комсомолцы.

— Тшш! Успокойтесь! Чем я могу помочь? — Краски! Беллил! — Одного настоящего маляра!

Иван Андреевич обещает дать краску, белила но «настоящие маляры», говорит он — дефицит, все они работают на строительстве жилых домов. Придется уж комсомольцам орудовать в красном уголке самим. Правда, скоро придет и ним в цех плотники и маляры, но совсем для других дел.

— Для каких же! — любопытствует Галя, и Иван Андреевич рассказывает комсомольцам о проекте переоборудования первого аппаратного цеха.

Не подготовленная, не записанная заранее в «план мероприятий» беседа это получается такой интересной, что ребята еще долго ходят под ее впечатлением.

— Сборка тормоных магнитов,— говорит Иван Андреевич,— будет переведена на конвейер. Выработка увеличится в несколько раз. Вид цеха совершенно изменится.

Он вдохновляется, рассказывает горячо, подробно. Увлекается, выходит из красного уголка, водит ребят по цеху и словно открывает им глаза на будущее.

— Сборка тормоных магнитов,— говорит Иван Андреевич,— будет переведена на конвейер. Выработка увеличится в несколько раз. Вид цеха совершенно изменится.

Он вдохновляется, рассказывает горячо, подробно. Увлекается, выходит из красного уголка, водит ребят по цеху и словно открывает им глаза на будущее.

— Сборка тормоных магнитов,— говорит Иван Андреевич,— будет переведена на конвейер. Выработка увеличится в несколько раз. Вид цеха совершенно изменится.

Он вдохновляется, рассказывает горячо, подробно. Увлекается, выходит из красного уголка, водит ребят по цеху и словно открывает им глаза на будущее.

— Сборка тормоных магнитов,— говорит Иван Андреевич,— будет переведена на конвейер. Выработка увеличится в несколько раз. Вид цеха совершенно изменится.

Он вдохновляется, рассказывает горячо, подробно. Увлекается, выходит из красного уголка, водит ребят по цеху и словно открывает им глаза на будущее.

— Сборка тормоных магнитов,— говорит Иван Андреевич,— будет переведена на конвейер. Выработка увеличится в несколько раз. Вид цеха совершенно изменится.

Он вдохновляется, рассказывает горячо, подробно. Увлекается, выходит из красного уголка, водит ребят по цеху и словно открывает им глаза на будущее.

— Сборка тормоных магнитов,— говорит Иван Андреевич,— будет переведена на конвейер. Выработка увеличится в несколько раз. Вид цеха совершенно изменится.

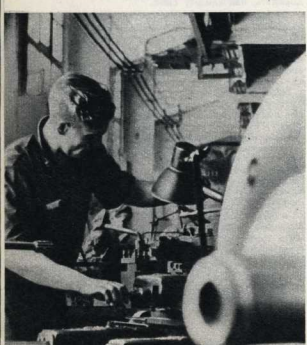
Он вдохновляется, рассказывает горячо, подробно. Увлекается, выходит из красного уголка, водит ребят по цеху и словно открывает им глаза на будущее.

— Сборка тормоных магнитов,— говорит Иван Андреевич,— будет переведена на конвейер. Выработка увеличится в несколько раз. Вид цеха совершенно изменится.

Он вдохновляется, рассказывает горячо, подробно. Увлекается, выходит из красного уголка, водит ребят по цеху и словно открывает им глаза на будущее.

— Сборка тормоных магнитов,— говорит Иван Андреевич,— будет переведена на конвейер. Выработка увеличится в несколько раз. Вид цеха совершенно изменится.

Он вдохновляется, рассказывает горячо, подробно. Увлекается, выходит из красного уголка, водит ребят по цеху и словно открывает им глаза на будущее.

ждят. А ремонтники пришли, сорвали с мест старые верстаки, вывезли их и за два дня установили конвейер. Через шесть дней участок уже работал на полную мощность. Кто-то из ребят тогда пробыл неделю, а вернулся и не узнал цеха.

Суббота

Сегодня короткий рабочий день. В аппаратурном правлении, что все шесть часов этого дня до предела уплотнены. Зато после напряженного труда — хорошая отдуха.

Комсомольцы уже неделю готовились к этой субботе. Заранее договорились с заказчиком о машине, собрали деньги на продукты, распределили обязанности. Приписли футбольный и волейбольный мячи, баян, удочки. Раз-

По пути пришлось починить мост.

дсбили ведро, топор. Предстояла интересная поездка на Истринское водохранилище с ночевой в лесу.

Никаноре отъезда ребята из «продоловственной группы» веселой компанией ходили по магазинам. Девушки выбрали покупки, парни таскали следом за ними сумки с продуктами. А Толя Русанов, Алла Салдаева, Зина Чикуньева и Вая Климов уехали в центр. Превратительно они долго совещались о чистоте в красном уголке, обставляя это странное совещание такой тайной, что, когда Люба Голубюкова вошла к ним, смущенно замолчала и попросила ее не мешать. Люба вспыхнула от обиды: среди комсомольцев не заведено было секретничать и шушукаться, все делалось открыто, даже заседания бюро, как правило, собирали расширенные, а на собрания приглашали и некомсомольцев. Она ушла, хлопнув дверью. А через полчаса заговорившие и озабоченные участники таинственного совещания бегали по магазину, спорили, приценивались и наконец вышли с тщательно упакованным свертком.

В четыре часа у заводоуправления останавливается грузовая машина. Ее обступают веселая компания молодежи. В кузове лежат рюкзаки, плащи, хозяйственные сумки. Последние прибывает запыхавшаяся Галя Михеева. Алла Абрамозич и Юра Павлюшин. Юра тащит огромный куль хлеба, девчата — картошку и зеленый лук; выполнено последнее задание «продоловственной группы».

Жена Петров осторожно укладывает под скамейку завернутое в брезент удочко, Толя Мирошин легонько трогает лады баяна, шо-

фер захлопывает дверцу кабины. Пора ехать! И тут ребята вспоминают, что нет Риты.

— Как всегда, — недолго замечает Рая Венюшинова. — Придется идти...

Но когда Рита появляется, ей не говорят ни одного строгого слова: настроение у всех хорошее, предостиг полтора дня веселого отдыха!

Машина трогается. Толя Мирошин берет баян, и нестройный хор из тридцати голосов заводит песню. Заводской «ЗИС» пробивается на набережную Москви-реки, мчится под пролетами Крамского моста, оставляет позади шумный белорусский вокзал и вывезается на стремительное Ленинградское шоссе. Встречный ветер рвет пестрые косынки девчат, треплет волосы. И, быть может, оттого, что Москва уже позади, а по обе стороны шоссе раскинулись поля, Галя Михеева запевает своим высоким и чистым голосом:

Родины просторы, рощи и долины...

И хотя баянист сбивается, руки, пришившие больше к станку, плохо слушаются, а в хоре есть и голосистые и безголосые, ребята дружно подпевают песню и потот аднозвонно. И весь день потом песня неразлучна с ними. Уплывають ребята на лодке к самому дальнему берегу водохранилища — и песня с ними, уходит за хвостом и беругт песню с собой. Даже за ужином они не хотят расстаться с песней. Но бойка, властная Марина — жена Толи Русанова, — так строго прикрикивает на певцов, что те мгновенно смолкают и не смеют больше нарушать торжественную тишину праздничного ужина. Марина — работница общественного питания, и ее слово за импровизированным столом — закон.

Нарушает тишину Толя Русанов. Он встает и, немножко волнуясь, объявляет: — Сегодня у Любы Голубюковой день рождения. Ей исполняется двадцать лет...

Все начинают шуметь, но Толя поднимает руку. Для порядка он все-таки заканчивает официальное поздравление от имени комсомольской организации и достает из рюкзака тот самый сверток, за которым компания заговорчица ездила в ГУМ. Смущенная Люба принимает подарок. Другой сверток преподносит Саша Дронов, анонгозначительно добавляя: «Это — от нас». По-зависимости, он имеет в виду ювелирный аппаратный цех, который захотели сделать Любе еще один подарок.

Праздничный стол сервирован великолепно. В центре на листе бумаги — гора картошки в мундире, сваренной в ведре над котлом. Это — самое вкусное блюдо, оно затмевает консервы, сыры, колбасы. Любе, азыннице консервы, разрешается выбрать самую большую картофелину.

...Рыхлым серым облаком поднимается туман, медленно окутывает низкий берег. Лес, собравшийся хороводом вокруг поляны, становится темнее, и кажется: по мере того как

Девушки забесновались об ужине...

Мария горит сушой хворост, буйный огонь поднимает над котлом заведенную метель, сыплет в ночное небо золотые искры.

сгушаются сумерки, все ближе и ближе подступают к костру деревья.

Пери и девушки собираются у костра. Жарко горит сухой хворост, буйный огонь поднимает над котлом заведенную метель, сыплет в ночное небо золотые искры. Толя Мирошин берет баян, и на его призывный голос приходит к костру песня.

Искривая и задумчивая, она рассказывает о первой светлой любви, трогательной грусти и большом человеческом счастье. Она говорит о том, как нелегко найти это большое счастье, как бережно надо хранить и мужественно защищать его. Песня уносит ребят из Подмосковья в Бухарст, в рабочие кварталы Парижа, в далекий Пекин, а знойную Индонезию и снова возвращает в Подмосковье, где непотопимо крисят тизие летние вечера. Парни и девушки сидят у костра плотным кружком. Проможили от вечерней росы ноги греет огонь, а песня, как большой, нестойкий друг, согревает сердце.

***

Если бы ребята из первого аппаратного цеха вели свой комсомольский дневник, то эти странички из их жизни заняли бы в нем очень немного места. Вызванные нами наугад, они затерялись бы среди тысяч других, а весь дневник выглядел бы интеллигентной, уловчатой книгой о том, как взлетит в жизнь молодые люди, простые, скромные, радостные комсомольцы.

Москва, завод «Динамо».

РАСОУСКАЯ ЛИСТЬЯ

Рассказ

— Верочка, вы приготовили препарат? — Нет, Елена Ивановна. Будут готовы завтра.

Лицо Роциной стало строгим.

— Опыт я ставлю не завтра, а сегодня вечером. Задержитесь и сделайте...

— Не могу, Елена Ивановна, — залетала Верочка, краснея. — У меня сегодня... Я еду в театр...

Но Роцина уже скрылась за дверью, и девушка только растерянно посмотрела ей вслед.

В комнате стало тихо. Слышно было лишь полесканивание подопытных мышей.

— Сама себя изводит и нас мучает, — вздохнула круглолицая Клава. — Да не горюй, Веря! По закону в четыре часа можешь уйти.

— Уйдет, — скептически усмехнулся Нина, — а потом этот синий чулок ее со свету скинет... И что только стало с ней, будто сглазили нашу Елену Ивановну.

«...Да где жид Роцина пришла в лабораторию из аспирантуры медицинского института. В лаборатории приняли эту тоненькую черноволосую девушку с большими зелеными глазами за лаборантку и очень удивились, узнав, что ей не восемнадцать, а полных двадцать шесть и она уже кандидат наук. Все начиная с заведующего лабораторией и кончая вахтерами, с первого же дня называли Роцину просто Леночкой.

Леночка сразу приступила к разработке серьезной научной проблемы, обнаружившая в этом вопросе солидные знания. Оказалось, что она работала над детской протозоопротозойной вакциной еще в аспирантуре. Исследование двигалось настолько успешно, что через год в распоряжение Роциной выделили специальную научную лабораторию. Десять лаборантов и врачей находились теперь в ее подчинении. Впрочем, слово «подчинение» не совсем точно выражало отношения, сложившиеся в то время между Леночкой и ее сотрудниками. Девушки-лаборанты болтали с ней о нарахдах, о предстоящих отпусках, поверяли свои маленькие сердечные тайны, советовались, как с подругой.

Еще задолго до организации исследовательской группы Роциной молодые врачи Захаров и Одинов проносились к ней как-то по подозрительному уважению и стали завязывать любительские личные прогулки, Балета, художественных выставок, всего того, что любила Леночка. Спусти некоторое время один из них вынужден был отступить... С тех пор и на выставках и в театрах Леночка появлялась только с Одиновым. В лаборатории стали говорить даже о свадьбе.

Но вдруг у Леночки обострилась какая-то старая болезнь, и она целый месяц пролежала в институте переливания крови. Выписавшись, Роцина уехала в Ленинград. А когда вернулась, все сразу подметели в ней разительную перемену. Леночка стала замкнутой и строгой. С каким-то ярким ожесточением набросилась на работу, а все остальное будто перестало для нее существовать. Если к ней обращались в пример дружески-шутовятом тоне, она сердито свистела брови, отвечала сдержанно и сухо; во время разговора часто смотрела мимо собеседника и, казалось, вовсе не слушала его.

Вскоре о новой вакцине, создаваемой научной группой Роциной, заговорила печать. Ле-

ночка становилась в глазах сотрудников солидным научным авторитетом. И как-то само собой популилось, что прежние отношения с ней многим оказались не очень удобными. Все стали обращаться к ней только на «вы». Однажды произошел случай, еще больше изменивший ее отношения с подчиненными. Лаборантка Клава, как обычно, без стука забежала в кабинет Роциной. Ей хотелось показать Леночке новый кроссовод.

— Что это у вас? — резко спросила Роцина.

— Журнал, — весело сказала Клава.

— Спрячьте и никогда больше не приносите посторонних вещей в лабораторию и не вводите ко мне без разрешения.

— Хорошо, Елена Ивановна.

Имя и отчество вырвалось у Клавы невольно, под влиянием официального тона самой Роциной, но с этого дня все лаборанты стали называть своего руководителя только так.

Ее раздражение проявлялось по самым пустяковым поводам. Все давно знали, например, что доктор Захаров много курит. Димитрий в кабинетах запрещалось, и он через каждые восемь — пятнадцать минут, отрываясь от работы, выходил в коридор. Прежде Роцина только незлобиво журила курящих, теперь же, встретив его в коридоре, вдруг вскрикивала: «Ну же мальчик, Леонид, и должны понимать... Надо работать, а вы прохлаждаетесь».

Захаров попробовал было отшутиться, но Роцина пропустила мимо ушей его слова и нервно бросилась:

— Прекратите курить в рабочей комнате! Постепенно в группе установилась атмосфера неприятной напряженности.

«Пожимое крылом» встретило эти новшества без особого удивления.

— Просто человек взялся за ум, — говорил степенный врач Сергей Петрович. — Все мы в молодости, знаете ли, были либералами. Слава Богу, что Елена Ивановна быстро избавилась от этой слабости. Дисциплина и строгость в науке — залог успеха.

Но от доброжелательства Сергея Петровича не осталось и следа, когда Роцина, просмотрев его отчет, заметила:

— От врача с вашей опистнощью, Сергей Петрович, я ожидала значительно большего. Не следите за новейшей литературой. Придется все сделать заново. Срок — первого марта.

— Но позвольте, Елена Ивановна, сегодня уже двадцать четвертое. Осталось пять дней!

— Если поработать как следует, можно пять дней превратить в пятнадцать, — отрезала Роцина, давая понять, что разговор окончен.

— Это невозможно... Я отказываюсь.

— Тогда переходите в другую группу.

— Сергей Петрович умоил. Отказ от сделал к первому марта. Но отношения были испорчены.

Только между Одиновым и Роциной не было пока никаких столкновений. Но даже к нему Лена стала относиться почти официально, а когда встал вопрос о какой-нибудь задержке в работе, она зыскивала с него не меньше, чем с других. Сергей Петрович стал поднимать над Одиновым.

— Кажется, отставка... Ну что же, чинами не вышли, молодой человек. Теперь Елена Ивановна меньше чем на члена-корреспондента не согласится.

Одинов и сам чувствовал, что Лена уходит от него. Несколько раз он пытался объяснить

ся с ней, но она под всеческими предлогами уходила от объяснений. Иногда он правду ловил ее взгляд, полный пренебрежной любви и нежности, однако стоило ему попытаться ответить ей тем же, глаза Лены снова становились холодными и чужими.

Эта неясность в отношениях с Леной стала предметом постоянных душевных терзаний Одинова. Видя, как Лена, не сходя себе, все глубже погружается в дебри бесконечных научных исканий, как она своими резкими выходами и пугающими раздарами все больше и больше восстанавливает против себя коллектив, он невольно начинал разделять мнение товарищей, утверждавших, что Роциной не дует пока «вкружусь тщеславия и карьеризма. Одинов несколько раз пытался сказать ей все это, но всякий раз, когда представлялся подходящий для разговора случай, его охватывала какая-то странная робость, и вместо прямого, открытого объяснения он произносил ничего не значащие фразы.

Однажды Одинов оставался единственным человеком в лаборатории, который до сих пор говорил Лене «ты».

— Поухудела, поухудела, стала раздражительной, — подсакала Лена.

— Спрячьте и никогда больше не приносите посторонних вещей в лабораторию и не вводите ко мне без разрешения.

— Хорошо, Елена Ивановна.

— За последнее время ты очень переменялась. Лена (Одинов остался единственным человеком в лаборатории, который до сих пор говорил Лене «ты»).

— Поухудела, поухудела, стала раздражительной, — подсакала Лена.

— Спрячьте и никогда больше не приносите посторонних вещей в лабораторию и не вводите ко мне без разрешения.

— Хорошо, Елена Ивановна.

— За последнее время ты очень переменялась. Лена (Одинов остался единственным человеком в лаборатории, который до сих пор говорил Лене «ты»).

— Поухудела, поухудела, стала раздражительной, — подсакала Лена.

— Спрячьте и никогда больше не приносите посторонних вещей в лабораторию и не вводите ко мне без разрешения.

— Хорошо, Елена Ивановна.

— За последнее время ты очень переменялась. Лена (Одинов остался единственным человеком в лаборатории, который до сих пор говорил Лене «ты»).

— Поухудела, поухудела, стала раздражительной, — подсакала Лена.

— Спрячьте и никогда больше не приносите посторонних вещей в лабораторию и не вводите ко мне без разрешения.

— Хорошо, Елена Ивановна.

— За последнее время ты очень переменялась. Лена (Одинов остался единственным человеком в лаборатории, который до сих пор говорил Лене «ты»).

— Поухудела, поухудела, стала раздражительной, — подсакала Лена.

— Спрячьте и никогда больше не приносите посторонних вещей в лабораторию и не вводите ко мне без разрешения.

— Хорошо, Елена Ивановна.

— За последнее время ты очень переменялась. Лена (Одинов остался единственным человеком в лаборатории, который до сих пор говорил Лене «ты»).

— Поухудела, поухудела, стала раздражительной, — подсакала Лена.

— Спрячьте и никогда больше не приносите посторонних вещей в лабораторию и не вводите ко мне без разрешения.

— Хорошо, Елена Ивановна.

— За последнее время ты очень переменялась. Лена (Одинов остался единственным человеком в лаборатории, который до сих пор говорил Лене «ты»).

— Поухудела, поухудела, стала раздражительной, — подсакала Лена.

— Спрячьте и никогда больше не приносите посторонних вещей в лабораторию и не вводите ко мне без разрешения.

— Хорошо, Елена Ивановна.

Патрович.— У меня совершенно ясное ощущение, что если я скажу о своем желании уйти домой, она сейчас же умрет... Она так говорит о нашей работе, что, право, невозможно исполнить ей о наших досугах.

Недовольство против Рошиной росло, не выходя за пределы лаборатории и не выливаясь в открытый конфликт. Все с надеждой и ожиданием поглядывали на Одинова, которого постепенно становился все мрачнее и готов был взорваться в любую минуту.

Поводом к этому «взрыву» послужила Верочка, от которой Рошина потребовала сегодня же приготовить препараты. Верочка еще еще вытарапливала глаза, когда в комнату вошел работавший рядом Одинов и, узнав в чем дело, велел ей сейчас же идти домой.

— Да меня Елена Ивановна съест,— ужаснулась девушка.

— Ничего, за такая уж она кровожадная,— усмехнулся Одинов.— Я с ней поговорю.

Звонок возвестил окончание рабочего дня, а Верочка все еще нерешительно аврела в руках сумки.

— Ну, шагай, шагай,— подтолкнул ее Одинов.— Я сам приготовлю ей препараты...

Когда Одинов решительно вошел в кабинет Рошиной, она сидела за столом, что-то быстро писала и даже не услышала его шагов. Поставив несколько секунд за спиной Лена, Одинов громко кашлянул. Она вздрогнула и, отрываясь от работы, нервно сказала:

— Каждый раз, когда мне больше всего нужно сосредоточенности, кто-нибудь входит без разрешения.

— Я ненадолго,— спокойно заговорил Одинов.— Ты просила лаборантку задержаться, а я разрешаю ей пойти в театр.

Лена обернулась к Одинову:
— Это что еще за фокус?

— Никаких фокусов... Ты можешь мучить себя. Если тебе так уж хочется, то и меня в придачу. Но ты должна все-таки понять, что в жизни бывают свидания, значащие для человека не меньше, чем докторская диссертация.

— И не меньше, чем жизни сотен тысяч детей,— вспыхнула Лена,— спасение которых мы должны, обязаны начать уже сегодня, но не потому этого давать из-за вашей расслабленности!— Она говорила, все более возбуждаясь.— Из-за каких-то свиданий!

— Хватит!— почти крикнул Одинов, хлопнув ладонью по столу.— Я обязан сказать тебе все.

Лена,— тяжело вздохнула Лена.— У меня очень плохо с нервами. Этот разговор выбьет меня из колеи. Отложим его.

— Бонжис!— усмехнулся Одинов.— А у тебя подчиненных, думаю, нет нервов? Ты напоминаешь Балзавского гарца, который смотрел на людей, как на почтовых лошадей, и безжалостно погонял их. Пусть они ладают! Пусть сдают! На следующей станции дадут ответ. Личь бы это вело тебя к исполнению заветных желаний, к докторской диссертации, к почету и славе...

Лена стояла, полувзрывая глаза. Одинов чувствовал, что каждое его слово попадает ей прямо в сердце, но не испытывает уже никакой злости и злобы, а все больше...

— Ты пользуешься своим правом подбирать себе сотрудников и держишь всех в постоянном напряжении, хотя прекрасно знаешь, что никакая творческая работа немислива из-под палки и тогда и тогда все в жертву своему страданию честолюбию. Ты забыла...

— Уходи,— бескровными губами прошептала Лена.— Это пустой разговор. Насильно никого не держат. Все останется по доброй воле, ради спасения детей.

— При чем тут добрая воля! Люди не хотят ссориться с тобой. Ты запугала всех...

— Уходи!— вскринула Лена так, что Одинов вздрогнул.— Убирайся отсюда! Не хочу тебя слушать!

Одинов и сам поблелевая, увидев, как из широко раскрытых глаз Лены скатывались крупные слезы.

— Что же ты стоишь? Я сказала: уходи! Не смею мне показываться на глаза! Уходи!— Лена упала головой на стол и зарыдала.

Одинов подошел к ней и, стараясь проглотить комочек, подступивший к горлу, заговорил тихо и мягко:

— Не надо так, Леночка. Успокойся... В том, что я отпустил Веру, в конце концов нет ничего страшного. Я сам приготовлю препараты... Я никуда не уйду. Я дождусь того дня, когда ты станешь врачом.

Лена стала успокаиваться. Она всхлипывала все реже и задышала ровнее.

— Прости меня, Петя,— сказала она, вытирая глаза.— Я не права. Я не хотела тебе обидеть.

— Ерунда,— улыбнулся Одинов.— Не будем больше говорить об этом. Я думаю, даже мотылек начнет кусаться, если стараться работать крупные сутки. Ты просто устала. Я пойду готовиться к завтраку.

— Не нужно.— Лена поднялась. Лицо ее просветлело. Она даже попыталась улыбнуться.— Раз уж все так получилось, а сегодня могу отдохнуть. Пойдем куда-нибудь или просто поблелю по городу.— Она подошла к Одинову и прижалась щекой к его щеке.— Я думаю о тебе каждый день. И если бы не была уверена, что когда-нибудь ты поймешь меня, не смогла бы жить...

— Не плачь, Леночка, все получится.

— Нет,— покачала головой Лена.— Ты не можешь пока ничего понять... Посиди здесь,— мягко сказала она.— Я сейчас вернусь. Нуно только сдать в библиотеку журналы.

Лена Несмотря на то, что перенитое, Одинов испытывал чувство одержанной победы. «Вот так бы и давно, а то все жалел...» Боялся сказать правду в глаза. А вот сказал и подостывало... Теперь все будет хорошо. Надо только вытратить ее из этого блелечьего колесца...

Одинов открыл страничку, заложившую свежими, только что распустившимися клевоыми листочками. «Да, Одинов и улыбнулся: он не разделял любви Лены к старым поэтам.

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно, Хоть бой и неравен, бойся безнадежно! Над вами светлая молчат в вышине, Под вами молчат— молчат и оне...

Одинов перевернул несколько страниц, и на него выскользнула и упало на пол письмо. Оно было распечатано, исписанным крупным мужским почерком, листочек высовывался из конверта. Поднимая письмо, Одинов невольно прочитал первую строчку: «Дорогая Леночка, здравствуй!»

Он взглянул на конверт. Обратный адрес— Ленинград, знакомая фамилия профессора-гематолога.

У Одинова гулко застучало в висках. «Как он мог, как он имел право писать Лене такие слова!?

Не задумываясь над тем, что он делает, Одинов торопливо пробегал глазами по строчкам письма. И вдруг внимание его остановилось на латинском слове. Это было название новейшего лекарства для больных лейкозом. Одинов вздрогнул и еще раз прочитал последний абзац письма. «Принимай по четыре таблетки в день,— советует профессор.— Это вас подберит и даст возможность закончить работу. Переливанием крови тоже не брезгайте. Держитесь до последнего дыхания, боритесь, как солдат!»

Прочитанное с трудом доходило до сознания. Одинов несколько раз проверил адрес получателя письма, все еще надеясь найти какую-нибудь ошибку. Нет! Никакой ошибки нет! Лена была страшной и неизлечимой больнозю. Ее смерть, может быть, совсем близка. Симптомы болезни Лены стали для Одинова теперь совершенно очевидными. И внезапная перемена во всем блелом и все нарастающая постоянная раздражительность— все это было вызвано быстро развивающимся губительным процессом лейкоза. Никто не могло остановить этого процесса, никто не могло предотвратить его страшного конца.

Одинов тяжело опустился на стул и стал бессмысленно рассматривать носки своих черных ботинок. Образ Лены отодвинулся вдруг от Одинова на огромное расстояние, и он видел ее теперь стоящей где-то на недостижимой вершине...

Наконец, сбросив с себя ощущение, он осторожно подошел к полке и положил на место книгу с письмом.

— Ну вот и готово,— раздался за его спи-

ной голос Лены. Этот голос был таким живым и призывным, что Одинову показалось, будто он очнулся от какого-то ужасного и нелепого сна. Он быстро обернулся и увидел смертельно бледное лицо Лены.

— Что с тобой, Петя?— насторожилось она.— Испугался, что сней чулок раздумает гулять? Нет, решено. Идем. Мне очень хочется посмотреть новый фильм...

Одинов попытался что-то сказать, но язык его словно прирос к гортану, и он только жалко улыбнулся.

— Выйди, пожалуйста, на минутку, я приведу себя в порядок,— сказала Лена.

Он послушно вышел и поблел по коридору. Дышать было немно. Одинов растегнул воротник рубашки. Перед глазами стояло измученное лицо Лены, а в ушах, словно эхон грозного набата, звучали стихи:

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно, Хоть бой и неравен, бойся безнадежно...

Яркие лучи заходящего солнца застали на полу в широких золотых квадратах. Одинов шагнул, высоко поднимая ногу, и ему казалось, что он заблелся по огненной лентине...

Утокнувшись в самое крайнее окно в конце коридора, Одинов долго смотрел перед собой. Он видел залитую соленным уютом, скачущих через веревочку маленных девочек, суетящихся на заборе воробьев, но никак не мог понять, что на дворе всемо, что кругом бушует жизнь, что клемы под оном распускают свои первые, нежно-зеленые листья...

Рисунок Н. Подивагова.

ЧУДЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

Фото И. Расина.

День начинается с утренней гимнастики.

На мачте нижнего лагеря «Артек» гордо реет государственный флаг СССР, а рядом с ним, слева и справа — государственные флаги многих стран мира. Здесь нынешним летом открылся международный детский лагерь.

Дети разных народов — болгары и чехи, финны и болгары, албанцы, французы, поляки и норвежцы, юные представители советских социалистических республик — собрались в «Артеке». Не будучи, что ребята говорят на разных языках, они все равно хорошо понимают друг друга, а два русских слова: «Мир! Дружба!» — не нуждаются в переводе.

Дал у пионеров «Артека» много. Утром после завтрака многие отряды покидают лагерь. Одним хочется совершить путешествие в горы и оттуда полюбоваться морем, другим — покататься на катарах и лодках, третьим — просто отдохнуть на берегу моря или в тени альпий, степей песен, потанцевать, поиграть или посидеть с юнгой. Ребята все интересно. Они все хотят знать, хотят познакомиться с жизнью советских пионеров, рассказать о себе, показать свое умение и спорную в походах, в спортивных соревнованиях, научиться дружить и самим научиться у них.

«Вечером, когда над морем опускается

сумерки и вместе со звездами загорается далекие маяки, пионеры собираются на костровую площадку и зажигают костер.

Мухару Убайдуллаеву из Таджикистана и Убайду Сашу Агзамовна, помяну, самого юного в лагере, огирали гости.

Сначала на дубу...

— Станцуй тардинский танец.

Спойте нам свои песни, — налегрой просит Финны, венгры, поляки, немцы, белгийцы.

Упрашивать долго не нужно, и вот под дробь бубна стремительно закружились легкая и гибкая Мухара. Стоит только начать. Чехословацкий пионер Пётр Мюллер берет аккорды и играет знаменитую «Танцуй-танцуй», ему подпевает весь лагерь...

Пройдут дни, развадутся пионеры, и каждый еще будет вспоминать эти чудесные встречи. Останутся в памяти и национальные вечера делегаций, и «вечера дународные» спортивные соревнования пионерского клуба «Олимпия», и артековский фестиваль юных талантов, и красочный, полный огненной радости заключительный карнавал.

Ю. БАБИКОВ

На привале. Хороша походная похлебка!

«АРТЕК» — ЗЕМНОЙ РАЙ...

...Теплое крымское утро. По извилистой тропинке, ведущей из Суук-Су в «Артек», идет высокий, чуть сутулый человек. Он поднимается на пригорок. Оттуда перед ним открывается живописный вид на пионерский лагерь. Из-за деревьев тенистого парка виднеются красивые деревянные домики... Но ему не приходится долго любоваться панорамой лагеря: его уже замечали — навстречу бежит шумная ватага ребят...

Впервые к пионерам «Артека» Барбос приехал 25 сентября 1928 года. С той поры он часто навещал своих юных друзей, участвовал в играх и прогулках, по вечерам сидел у пионерских костров, рассказывая артековцам о детях далекой Франции.

В тот первый день Барбос оста-

вался в книге почтенных посетителей лагеря следующее запис:

«Я только что провел целый день среди пионеров «Артека» вместе с их взрослыми товарищами, которые создали этот лагерь и руководят им с любовью и мудростью. Я хотел бы, чтобы дети и родители, трудящиеся массы Франции и Западной Азии о замечательной братской организации детей, из которых составится будущее поколение СССР, это авангард мирового пролетариата. Долг благодарности моим юным товарищам пионерам и их разумным, привлекательным вождям за сделанную мне встречу я буду считать выполненным, если сумею возбудить у детей капиталистических стран зависть к участи советских детей и стремление по-

вторить в будущем великую революционную победу новых людей Советского Союза».

Во время первого посещения писателем «Артека» была сделана и публикуемая фотография. В центре ее — 3 П. Солонья, слева от него — А. Барбос, справа — один из старших немецких коммунистов, Герман Дункер, и пионер негр Джим. Крайняя справа — секретарь Барбоса Аннет Викаль, живущая сейчас во Франции, рядом — жена 3 П. Солонья Маргарита Ивановна.

Летом 1929 года, уже находясь во Франции, писатель получил от Н. Солонья альбом с фотографиями пионерского лагеря. В связи с этим подарком он писал Маргарите Ивановне:

«Дорогой товарищ и друг!

Я был очень счастлив, получив весте от Вас, и очень взволнован, увидя на фотографиях, которые Вы мне прислали, лагерь «Ар-

Имя Андри Барбоса, замечательного французского писателя-немеца, уроженца недалеко от Барбоса не так привлекательно человеку, как это, путеводитель в СССР, подполку. В своих статьях и романах он рассказывал об успехах социалистического строительства в СССР, будучи в Москве, в июле 1928 года, будучи в СССР, писатель познакомился со старшим пионером пионерского лагеря 3 П. Солонья. Он часто писал о нем, и это писательство привлекло внимание писателя. Он часто писал о нем, и это писательство привлекло внимание писателя. Он часто писал о нем, и это писательство привлекло внимание писателя.

М. ДОУЛАНСКИЙ, С. ЧЕРТОК

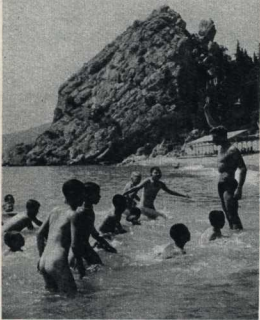

Попробуй поймай быстрого краба, он знает под камнями все ходы и выходы...

Этот веселый «бой вслепую» понравился всем.

— Внимание! Сейчас начнется новая игра...

И у солнышка надо взять частичку энергии.

тек»... Я тронут памятью, которую дети «Артека» сохранили обо мне, и прошу сказать им, что я о них часто думаю и часто говорю с окружающими.

Будьте уверены, дорогой друг, в моей преданности, Анри Барбюс.

Начиная с 1932 года писатель приезжал в СССР ежегодно и постоянно поддерживал связь с артековцами. 8 августа 1933 года он писал им:

«От всего сердца благодарю моих дорогих маленьких друзей — пионеров «Артека» и всех их вожаков и руководителей за ту радость, которую они мне доставили, прислав прекрасный альбом с фотографиями, так живо изображающими ту жизнь, которую они ведут в чудесном окружении солнца, моря и крымского пейзажа. «Артек» — земной рай, но рай настоящий, где среди света, в здоровой обстановке, занимаясь

спортом и образованием, развиваются смеющиеся друг друга толпы детей,— дорог мне... Моих дорогих маленьких друзей, которых тысячами проходят через «Артек», я так же люблю, как и тех из вас, которых я знал лично...»

В 1934 году, в день девятилетия «Артека», Барбюсу было присвоено звание почетного пионера. Ему привезли в Москву красный галстук, который он бережно хранил. Вот его последнее письмо в «Артек», датированное 17 мая 1935 года:

«...Мои мысли направляются к «Артеку», когда я думаю о молодом поколении нового мира, навсегда сменившем царскую империю...»

Я всегда думаю о вас, мои дорогие маленькие друзья, как о современниках великого роста Советского Союза... Когда вы вырастаете, то и дело социалистического строительства еще больше

вырастет, и ваша миссия будет заключаться в том, чтобы продолжать это дело еще дальше, поднимая на все более высокий уровень коммунистическую цивилизацию...» Через две недели Анри Барбюс не стало. В послед-

ний путь его провожали десятки тысяч москвичей. И как капля крови адел среди живых цветов положенный на гроб красный галстук — подарок пионеров «Артека» своему великому французскому другу.

Стихи МОЛОДЫХ

Лев СМИРНОВ

ПЕРВОЕ СЛОВО

Тот день далек. Далек, но незабвенен.
...Перед затихшей в классе детворой,
Едва дыша, писал я слово «Ленина»
Своею неуверенной рукой.

Пять светлых букв. Глядеть — не наглядеться,
Не оторвать от них счастливых глаз:
С них началось мое простое детство,
С них жизнь моя большая началась.

Я горд, припомню день тот снова,
Что в мелочах себя не растерял,
Что слово «Ленин» было первым словом,
Которое я в жизни написал.

г. Ижевск.

Константин КИСЕЛЕВ

ОЧЕНЬ НУЖНАЯ ДЕТАЛЬ

В могучих челоствах тисков
Железо твердолобое,
А паренек из новичков
На нем характер пробует.

Он видит
Хлебных волн размет
Над степью покореженою,
А по волнам комбайн плывет
С детально, смастеренной им.
Машины золотое зерно
Льют в закрома амбарные...

Видать, стране,
Как хлеб,
Нужна
Рука его слесарная,
г. Ленинград.

Алексей ЗАУРИХ

КИНО

Где-нибудь в Калуге иль в Рязани
в час, когда на улицах темно,
оноводит тени на экране
низенького клубного кино.

И усевшись по двое на стуле,
не сводя с экрана быстрых глаз,
кинорежиссер «Матрос Иван Никитин»
смотрит ребятня в который раз!

Через березник, через овраги,
выставив граничные затылки,
там уходит с песней о «Варягах»
к своему бессмертью моряки...

На пути у них снаряды рвутся,
лобзая перекрестного сванца...
Высота, высота ленточки...
И бытуют детские сердца.

Угасает тени на экране.
Тот он — снова белый и немой,
Где-нибудь в Калуге иль в Рязани
дети возвращаются домой.

Улицы прутеют, затихая,
но почти у каждого окна
плещет непокорная морская,
мерная, как маятник, волна...

г. Москва.

Олег БУШКО

СТАРЫЙ ТОВАРИЩ

Товарищ школьный — Вовка Зорин.
Он был в десятом, я — в восьмом.
И, педагогам непокорен,
Я подражал ему во всем.

Он в драмкружок — и я туда же,
Он а вышки в омут — я воспле!
Товарищ на два года старше,
В шестнадцать лет — авторитет!

Но во сто крат авторитетней
Стал Вовка Зорин для меня,
Когда ушел — двадцатилетний
Солдат — на линию огня.

Потом и я пошел туда же.
И вот я дома. Вовки — нет...
Я с каждым годом старше, старше,
Ему ж — навски двадцать лет.

Но каждый раз, когда заспорю,
То мне на ум приходит вдруг:
«А что сказал бы Вовка Зорин!
Мой старший друг!»
Мой старший друг!

г. Смоленск.

Николай БЫКОВ

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Вместе с солнцем, вместе с утром свежим
Появляюсь в моей палате маршачей
Девушки в халатах белоснежных,
И ко мне подходит тихо-врач мой.

На душе становится светлее,
Будто солнце заглянуло в сердце.
Говорит, что целую неделю
Бредил я, но только мне не верится.

Хочется мне из палаты выйти,
Расплутать больничные ворота,
Криньтуть: «Вот я, люди, посмотрите,
Снова с вами, вновь готов работать!»

Так и будет — день настанет этот!
Умирать мне некогда, поверьте:
Много срочных дел на белом свете,
А дела у нас сильнее смерти.

г. Свердловск.

Иван БАХТИНОВ

ЛИВЕНЬ

Душный полдень. Над полями глухо
Пронатылся еле слышимый гром.
Пыльный лист, морщинистый, как ухо,
Навострил подсолнух за двором.
Ромы, издавать — плескаться перестала,
Усники нацелив в высоту.
Вот опять вдаль прогромычало,
Словно кто проехал по мосту.
Все притихло, все безмолвным стало,
Лишь осины охватили дробью.
Долго идяли... Вот и покрывало
Отпустил на перелесок дождь.
Ближе... Звонко застучал в окошки
Теплый ливень. Кто ему не рад!
Ребятишки в сакулье ладошки
Сыплет тучка спелый виноград.

Абрамович,
Воронежской обл.

Василий ШМЕЛЬКОВ

РЕКА

Она детишек весело купала,
Вела в ночи с березой разговор,
Посильный груз на баржи принимала
И вдаль неслась песком наперекор.

Накапливала бережно в долине
Жизнителяную влагу для полей,
Давала силу новую турбинам,
И становилась на земле светлей.

Она рождала теплые туманы,
Пошла стадо около села,
И оттого, быть может,
К озеану
Река пробраться так и не смогла.
г. Егорьевск.

Борис РАХМАНИН

В РАЙВОЕНКОМАТЕ

Смех и голон в райвоенкомате...
Двадцать бравых будущих солдат,
Голые, позожие, как братья,
На смачных плечечках сидят.
А за дверью хлопот молодому
Что-то строго терапевт ворчит,
В грудь его, как будто в двери дома,
Длинным пальцем вежливо стучит.
Паренек послушно приседает
И молчит, хоть на язык остер.
— Черт... И кто это сюда пускает
Медсестер!

А потом усталая комиссия
Задает вопросы из зинкет.
Вместо ожидаемого «нет»
Парень шепчет хрипло:

— Там написано...

Да, терьяла у парня упало...
Но не ном, не якорь — «Помню маму —
Голубые буквы на груди.
Воинком с наколки взгляд не сводит,
И глаза его теплеют чуть.
Воинком в анкете пишет: «Годен».
Ну, дружище, будь!..
И восторг свой под реснички спрятав,
Вышел парень, словно в полусне.
Хлопает его, смеясь, ребята,
И причем не только по спине.
Поздравляют парня хором четкими,
Будто он им век уже знаком.
Парень в благодарности им чечкету
Лихо отбивает босиком.

г. Москва.

Д. Чернес. У берегов Баренцова моря.

У. Тансыкбаев. Утро Наيرانкумской ГЭС.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ

МЫ СТАНОВИМСЯ СИЛОЙ

Виталий Веняминович Буткевич, управляющий делами Перинского горпролдкома, врта в тонких пальцах пенсне, раздраженно отчитывал машинистку Зою:

— Это учрежденческая бумага, подлинная подшивка и долголетнее сочинение. Ей нужны поля. Помните, поля!

— Но... пытался ответить девушке.

— Молчите и слушайте! У меня в руке дрожал карандаш. Хотелось запустить им в барскую ногу чиниш-педанта. И чего он глумится над нами! Старый щеп, он собаку съел на канцелярские, а мы, молодежь, смеющаяся чиновников, не захотевших работать на Советскую власть, только недавно сели за письменные столы.

Управляющий наконец отступил Зою и начал обход учреждения. Не миновал Буткевич и моего стола. Я работал делопроизводителем. Буткевич взял написанную мною рукопись, глянул, снял с сидиго носы пенсне.

— Та-ак... Почти два десятка слов в одной фразе. Феноменально! А где абзац? Где у вас абзац, я спрашиваю?

Я ничего не мог ему ответить. Возмущало не то, что он придирается и учит; возмущали его раздраженный тон, его презрение к нам, кучеркам и дворничкам детям. Я рванул бумагу из рук управляющего. Буткевич, побарабанив, с визгом закричал:

— Мальчишка! Сопляк! Вас учат.

В дверях кабинета показался комиссар.

— Что такое? Кто за шумом? — добродушно пробормотал он.

— Подобудить, Егор Иванович! Я его учу. Говорю об абзацах... А он рвет служебную бумагу!

— Ну!.. Ишь ты какой! — Комиссар, прищурив, уставился на меня. Затем, обращаясь к сотруднику, спокойно промолвил:

— Слушай тогда, ребята, Виталия Веняминовича. Рукописи и абзацы нужны. Вот так.

Я принялся заново переписывать бумагу.

В горпродкоме всегда было многолюдно. Шел самый тяжелый — двенадцатый год: торговли никакой, народ голодал, общинам скучно, как приходили рабочие, домохозяйки, служащие, чтобы получить из реквизиционного «буржуйского добра» какую-нибудь одежду. В мои обязанности входило выписать ордера.

В этот день было особенно много работы.

— Нам бы по паре валенок, — вдруг услышав я голос, поднял глаза и оторопел: передо мной стоял сам комиссар. Возле него — двое Ульяновичей парней.

Егор Иванович добродушно рассмеялся и показал на меня:

— Вот он из молодежи самый задиристый. Ему и поручим...

И, обращая ко мне, сказал: — Совершишь после работы соотрудником... своего возраста, значит...

Вечером в нашей комнате собралась молодежь. Комиссар был уже здесь, вместе с ним и те двое, кто приходили днем.

— Открытая соборане, — кинул мне Егор Иванович и тут же взял слово: — Так вот, сотрудники мои молодые. В нашем городе организован новый союз — союз трудящейся коммунистической молодежи... Товарищи из городского комитета объявят вам.

Нам рассказали о задачах нового союза и пригласили желающих записаться.

— Пишите меня, — заявил я сразу.

— Хорошо. Кто еще?

— И... меня, Баранова, — покраснев, кинул посыльный Коля и тотчас же спрыгнул за спиной товарищей. Потом записался счетовод Витя.

— А вы, девушки? — Девушки краснели, млелись, о чем-то переговаривались. Наконец поднялся машинистка Зою.

— Мы... — Ее бойко дополнила подруга: — Мы сразу спрости.

Все засмеялись, но парнем из горкома поднял руку и серьезно сказал:

— Ну, что же, правильно. Пусть маму, отца спросит. Итак, товарищи, три человека — ядро комсомольской ячейки — у вас есть. Будем надеяться, что скоро ступит в нее вся наша молодежь.

Так у нас появилась своя ком-

сомольская организация. Ребята нет-нет да и шли теперь ко мне, точно к старшему, посоветоваться. Управляющим Буткевич косо и с опаской поглядывал на меня. Уже на другой день после собрания у нас вышла с ним стычка.

Мы заметили, с утра около Буткевича крутилась Ядига, смеющаяся, накрашенная машинистка, о чем-то просила. Он взял из ее рук какую-то бумажку, сходил к заместителю комиссара и вернулся машинистке. Та долго благодарила, а потом направилась к моему столу и подала бумажку мне. Это было заявление с резолюцией на выдачу нового пальто. Но я не торопился выписывать ордер. Посмотрел на ребят, решительно поднялся и пошел в кабинет к комиссару.

— Егор Иванович... Своих сотрудников будем снабжать или раздавать трудовое население!

— Что такое?

Я положил перед ним заявление машинистки. В кабинете появился Буткевич, левяски склонившись к комиссару, стал просят:

— Ядига Станиславовна пожелательно раздавать.

Комиссар нахмурился.

— Недавно, кем-то, я подписывал ей ордер. Правильно возражает организация. — Егор Иванович кинул в мою сторону. — Не могу не прислушиваться. Словом... Он взял со стола заявление и разорвал.

Комсомольцы торжественно победу: мы организация! С нами считается комиссар!

Г. ПЯТКОВ

СТРОИТЕЛИ ДОРОГ

Нелегкий труд
Строителей дорог
Я и начал
На собственной персоне.
Еще сейчас вам
Показать бы мог
След от кирки —
Молеги на лядонях.

Еще сегодня
Садины свежи
И на погуду
Едет посидица.
Лишь только стонет
вени мне смежить —
Встают дружок
Обветренные лица.

Встают дела...
Сквозь чавканье болот,
Сквозь бурелом густой
По ветлам
Валет тот пуп.
Все лето напролет,
И даже горы
Не были помехой.

Всю ночь — костры,
В зруглах волчий вой,
Мохнатые, большие звезды
В густых ветвах
У нас над головой
Висели,
Словно птички
Гнезда.

Нам на удобства
было наплевать,
Мы жини просто,
Верили в заветную
У одного бухгалтеря кровать
Была.
Нам
Хорошо спалось впопалку.

Хоть нелегко
Давалось в те года
Жить в палатках техных,
У божиц,
Но вырвала молодежь всегда
И наша дорога званем
«Рабочиц».

г. Ялта.

В тот же день ко мне подошла Зою и положила на стол четвертушку бумаги. На ней было напечатано: «Прошу принять меня в молодежную комсомольскую организацию».

Ура! Первая девушка с нами! Я так обрадовался, что, пожимая руку Зою, опрокинул чернильницу. С острой ненавистью смотрел на меня управляющий. А мне не страшно: мы сила, мы комсомол!

«К ОРУЖИЮ»

Теперь все вечера я пропадал в городском комитете комсомола. Всего меньше нам горком походил на учреждение. Скорее он напоминал штаб в прифронтовой полосе. Холодная комната, тусклая лампочка, голый стол, темный коридор и люди, люди...

В комитете то и дело раздавались телефонные разговоры. О каждом законе мы ждали новости. Мы жаждали общения и действия.

Вот секретарь Коля, тот самый, кто организовал у нас ячейку, берет трубку. Потом, обращаясь к нам, говорит:

— Ребята! У сбегавшего с бежим адвоката Падали обнаружены боевая библиотечка. Надо перекатить ее в горинерный клуб для бойцов.

На квартире адвоката нас уже ждал очкастый представитель нарбюро. Мы дружно таскали книги в клуб, а там уже толкутся нетерпеливые красномейды. Присев на корточки, они тут же жадно читают полученные книги.

В один из вечеров появляется возбужденный Коля и с порога выпаливает:

— Ребята, детиски замерзли!
— Чей? Твои, Коля?
— Смех. Но Коле, видно, не до смеха.

— Полости ребят замерзают в приюте. Привезли дрова, а накоплено некому.

Мы гурьбой высыпаем на улицу и направляемся в приют. Я впервые увидел, что может сделать коллективный труд. Мигом где-то достали топливо, соорудили козлы. Вскоре закончили пила. Одни пилили, другие кололи, третьи носили дрова; девчата расставляли лавы. Бледные лица детей, слезно оттаявшие, начинали светиться счастливыми улыбками.

Как-то допоздна засиделись в горкоме, мы слушали Колю, рассказывавшего о коммунизме. Он умел вдохновенно говорить, этот взлохмаченный юноша с горящими глазами. И вдруг — резкий звонок, другой. Коля взял трубку и тут же побледел.

— Товарищи! В городе восстановление.

Повесив трубку, он крикнул:

— К оружию! За мной!

Мы бросились за Колей. От волнения заморало сердце: сейчас сейчас в бой за резолюцию, за грядущее, о котором только

что так увлекательно рассказывал Коря.

Улицы словно вымыло ветром. Редкие прохожие спешили юркнуть в камиты, спрятались в глухих домах. Со стороны вокзала донеслась четкая дробь пулемета.

В Чоне (часть особого назначения) нам liquorадоно совапи в руки винтовки и по обшивке патрoнов, не спрашивая, умеем ли мы стрелять. Наскоро построились, побежали к вокзалу. Стрельба была уже совсем близко. Какой-то полувоенный выскочил из-за угла.

— Куда вы! Убьют! За мной! Прижмемся к заборам, мы кинулись за нашим командиром. Он вывел нас проулком к дороге и показал нагами на мужской монастырь, раскинувшийся на возвышенности. Длинная каменная стена монастыря проходила по той стороне дороги; были отчетливо видны башня монастырской стены и вышка с золотым куполом церковь. На колокольне ее вспыхивали огньи.

— Рассыпаться и ведите обстрел колокольни!

Мы крассыпались. И вовремя. О забор с сухим, зловещим щелканьем ударили пули. Я очутился около рабочего, стрелявшего по монастырю. Мне очень хотелось выстрелить, но пока дрожащими пальцами я нащупывал курок, винтовка неожиданно выстрелила, ударила меня в плечо. Было и больно и радостно: так вот как стреляют! Рабочий, переваривая свою винтовку, вводил меня в курс событий:

— Монастырь восстал. Контрреволюционное монаше... Горсовет получил сводку: у монахов полно хлеба. Решили изъять. Подъехали, а ворота на запоре. Стучат — не открывают. Попробовали перелезть через забор — с колокольни ударила пулемет. Вот они, святыню, что делают!

Перестрелка разгоралась. Вдур мой сосед решительно поднялся.

— Да что тут сидеть... Ребята, за мной!

Мы перемаяхили через дорогу, пополнили вдоль монастырской стены и неожиданно обнаружили проем для стока воды.

— Ага! — радостно крикнул рабочий, махнув нам рукой. Мы вползли во двор, поднялись. Вокруг шлепали застопоренные, рабочий каясто странно сползнулся и упал на колени. В это время сзади раздалась команда:

— Ложись!

Но тут с другой стороны монастыря послышались громкие крики, вспыхнула яростная перестрелка, и вдруг все сразу оборвалось, смолкло. Теперь уже со всех концов двора к колокольне бежали люди с винтовками в руках. Вскочили и мы.

С восставшим монастырем покончено.

Оставшихся в живых монахов сняли с колокольни. Бледные, в черных одеждах, они дрожали от яростных криков стеной подступавших к ним рабочих.

— Убить их, гадо! Чего сморететь?

Монахи только истоно крестились.

Ненадолго горизона, заткнув за пояс монахов, громко объявил:

— Монастырь этот — контрреволюционное гнездо ваше — закрываемся! И чтоб сегодня здесь не осталось ни одного чернорабочий!

В подавал монастыря мы обнаружили сотни пудов муки, маханные туши, крупу, картофель. Послышались гневные голоса:

— Вот как сытые отцы жили! Им куляки везли все, а мы на восьмью...

Продукты тут же погрузили на подводы. Здесь уже командовал наш энергичный комиссар Егор Иванович, давал адреса:

— Это в приют! Это в больничку...

На землю спустились сумерки.

В монастыре на всякий случай поместили вооруженный отряд, нас расставили патрульными. Я стоял около опустевшего склада и, хотя немного побоялся, страшно гордился тем, что защищаю сегодня революцию, держу в руках винтовку.

«РЕБЯТА, В ИСКУССТВО!»

Куда девать кипучую энергию юности? И, точно грибы, вырастали в городе разные молодежные студии, самостоятельные художественные коллективы. Я записался в центральную городскую драматическую студию.

Не могу без волнения вспомнить это время, прекрасное, как всякое весеннее утро. У народа, взявшего власть в свои руки, не было еще своей революционной поэзии и драматургии, а чувства били через край, их хотелось выразить, показать. Мы по-своему

инсценировали классиков. До сих пор помню сценки из поставленной нами «Белая дорога» Некрасова. Любопытному мальчишке классиком говорит о стрельбе железнодорожного пути, а за окном движется толпа мертвецов и хором поет — говорит потрясающие слова:

Мы изнывали под гнетом,
Под холодом,
Мерзли и ждали, полуживые,
Бледные, шингой...

Все воспринималось так живо, что даже мороз подернул по коже. Зрители невольно поднимались с мест, да так и стояли, пока не падал занавес. Наши режиссеры — отменные поклонники легкого искусства — умели ярко донести идею до зрителя, вызвать у людей слезы.

Но сцена нам казалась тесной, мы стремились вывести искусство из стен театра на улицы, на площади. И вот все молодежные студии и артисты профессионального театра, все комсомольцы и прилежные нами две роты бойцов репертурируют заборными театрами грандиозную феррио-пантомиму «Октябрь». Наши режиссеры, опытные отвыкшими возможным творить, носят, как ошейники.

В день представления весь город взбудоражен. С площади по улицам разбегаются на грузовиках студийцы, одетые в театральные костюмы, везущие трубы в фанеры, они ссыпают вместе массовое представление — праздник на театральной площади. И чуть ли не все население выиспывает из дождя. Что там театральная площадь — затопленные людьми и прилегающие к ней улицы. Грандиозная пантомима развертывается на огромном помосте и на балконе театра. Луни пролетают освещают представление. На троне сидит царь, охраняемый жандармами. Но вот слышится гул, он нарастает, как гроза. К трону устремляется толпа зрителей, выстрелы, взрывы. Заключая, рухнул трон. Но на месте царя появилась жестко стилизованная фигура Керенского. И опять гром, гул. Еще большая толпа солдат и рабочих волей хлынула на подмошку. Исчез Керенский. Взялось гигантское алое полотнище «Октябрь».

Горят, плещутся красивые флаги, горят оркестры. По асфальту исполнителями, ликует вся площадь. Артисты, режиссеры, студийцы сливаются со зрителями, начинаются выступления плясунов, певцов, музыкантов. По асфальту площади разливается радостное предзвездие. Только такое боевое искусство признавали мы тогда, не мирясь с академическим, спойными постановками городского профессионального театра.

Городской комитет комсомолом был доволен делами группы комсомольцев, посланных на линию искусства. Неподготовленные из них стали потом профессиональными артистами. Назову хотя бы народного артиста РСФСР мастера художественного слова Сергея Башакова, актрису Капитолину Овсинову.

ХОЧЕТСЯ ПОДВИГОВ

А на фронтах шли тяжелые бои. Молодую республику владели стиснулы осаждавшие враги. Денно подступая к самому сердцу

Рисунок Б. Игнатьева.

страны — Москва. Партия и Ленин бросили клич:

«Республика в опасности! Плавать, расклеивая на облупленных стенах города, трещины сердце, хватая за душу. Становилось стыдно отключаться в канцелярии, работа в студиях казалась забавной. Я отправился в комитет и заявил:

— Всё! Отправляйте на фронт! Секретарь не выразил удивления, не стал распрашивать, сказал:

— Принеси справку об увольнении. Отправим.

Я — к комиссару. Он, хмурый и грозный, встретил меня вопросом:

— Ты что, забастовал? Почему не работаешь сегодня?

— Всё! Отработал, Егор Иванович. Отпустите на фронт.

Вот оно, что! Комиссар поднялся, пристально посмотрел на меня и вдруг, поточу по столу, стал решительно одевать свою кожаную туфурку. Вошла секретарша.

— Всё! Я отработал. Ухожу на фронт.

Секретарша, ослепленная, смотрела, как комиссар таянул меня за руку, приговаривая:

— Пошли, пошли, парень! Пускай здесь все остается, люди не себе как-нибудь хлеб добудут... Пошли!

Я утирался, начинаю понимать комиссара. Багровое, он бросил на тот папку, завершил:

— Черт тебе в душу! Выжди, Ольга!

Полчас чистил меня комиссар, доказывая, что здесь тоже фронт, гримасу кулаком по столу, но я не сердились, чуток ждал прав.

Этим и кончилась моя попытка уйти на фронт. Но я не оставил надежды и, признаюсь, по-прежнему иду от подвига. Оглядываясь об этом откровенно рассказал своему приятелю Ларионову.

— О подвиге мечтаешь?... Strange расти, яркого смейся! Хорошо, подходишь мною на настоящее дело. Подвиги?

— Какое настоящее дело? Ларионов тихо, серьезно разговаривал:

— О Чека слышал? О борьбе с контр-р, с врагами! Ну вот, пойдем туда.

И вот я получаю первое задание. Оперативно отделе стало известно, что за Камой, в избушке сторожа лесосклад, собираются подпольные люди, что-то готовят. Ларионов и мне поручили разведать это гнездо. Ларионов разработал план, и мы отправились за Каму на лодке, как рыбаки. Рыбачили вблизи сторожки, чтоб нас видели, затем вышли на берег отдохнуть, закусьте. Ларионов отправился в избушку за «огоньком». Мне было страшно за него: вдруг враги догадаются и схватят? Но Ларионов скоро вышел из домика вместе со сторожем. Они курили, дружки разговоривали, затем распространились.

На другой день мы снова приехали сюда, порывачили, вышли на берег и уже оба отправились в сторожку. Сторож — необычный для человека этой профессии бравый лысый старик Ларионова, как старого знакомого. Разговорились. Ларионов угостил сторожа спиртом. Выпили. Я, помня наказ Ларионова, следил за хозяином, а когда он вышел из сторожки, бросился к столу, на

Ударник комсомольских строек

ДЕВУШКА С ХАРАКТЕРОМ

Фото В. Шахлевича.

Перед проробом «Доменстроая» Золотым стояла новиская девушка и повтарала свои доводы... Пророб слушал и кивал головой: да, он помнит, что ее бригаде третий день не оформляют наряды, хотя девчата стараются изо всех сил и, несмотря на тяжелые условия, каждую минуту выполняют нормы; да, она уже в четвертый раз напоминает ему о наряде, но разве одной ее бригаде нужны наряды! На участие девять комплексных строительных бригад, все одинаково положению. А что делать, если вместо шестидесяти кубометров бетона подвели только двадцать? Правда, от остальных бригадиров легко отговориться: там ребята. А этой девушке настоящее горе: никакие доводы на нее не действуют.

— Пона не оформите наряды за все время, говорю, заявила она — не отстану от вас. Хватит за нос водить!

Махнув рукой, пророб направился к нарядной. Спорить с Лидой Зинкиной было бесполезно: ее так рано она настояла бы на своем, такую уж у нее характер...

котором лежали газеты и папка. Лидарочко перебрала письма в папку, в ушей маленькую фотографию председателя нашего Чека. В это время неожиданно открылась дверь. От страха я вырочил картинку из рук. Но ашедшим оказался Лариов. Он улыбнулся ко мне, схватил картинку:

— Где взял? Я показал на папку. Ларионова хотел спрятать картинку в карман, но раздумал и сунул обратно в папку. Едва он успел это сделать, в дверь показались хозяин. Он, видимо, заметил наше замешательство, сразу поморщился. Но Ларионова снова заговорил с ним, предположительно выпилить, и прощались мы олять по-приятельски.

На руку опутались сумерки. Мы подошли к лодке, заметил, что сторож вышел из сторожки и направился к берегу. «Нуужели догадался?...» — екнуло у меня сердце и я предложил товарищу:

— Давай скорее уходить, Петя! Но Ларионова был спокоен. Он сел за весла и приветливо помачал сторожку. Лишь когда мы достигли середины реки, я успокоился и под мерный всплеск весел подумал: не прост членская работа, не легок тут и подвигам!

На другой день Ларионов поручил мне написать о нашей разведке подробное сообщение в оперативный отдел. Писать я по-

Бригадиром Зинкина стала недавно. Но если спросить у строителей первой комсомольской домны, кто из бригадиров самый энергичный, непременно укажут на Лиду.

В ее бригаде семнадцать девчат. Все они приехали на «Казхстанскую Магнитку» издалека. Тамара Мосунова прежде работала продавцом в Вологде, Нина Сурина — строгаальщицей на заводе, Лена Широких была машинистом электровоза.

Самая Лида Зинкина, закончив десятилетку, работала трактористкой в Акмолинской области. Но разве можно было усидеть дома, когда самая большая новостройка Казахстана звала и себе отгавные сердца? И Лида сделала выбор: с комсомольской путевкой в кармане она приехала в Темир-Тур.

Ни бригадир, ни семнадцать ее подруки не искупились трудностей. Приходилось копать землю, когда вода заливала котлован, в котором они работали, мокуть под дождем, спорить с проробами из-за материалов... Девушки были упрямы и настойчивы, как их бригадир. Это они перыми заявили на

последнем собрании комсомольцев «Доменстроая: домна имени соркалетя ВЛКСМ будет смонтирована раньше срока!

На этом собрании ребята и девушка впервые увидели Лиду Зинкину смущенной. Впервые в жизни Лида Зинкина рассказывала большому рабочему коллективу свою короткую, только еще начинающуюся биографию. Она говорила тихо, и лишь когда у нее спросили о делах бригады (и то больше для формы: кто же не знает боевые девчаты), голос Лиды зазвучал громче, и взгляд сделался, как всегда, задорным. Еще бы: месячное задание девушки перевыполнили втрое!

Когда из-за стола проробидица поднялась комиссар «Доменстроая» Владимир Алтнерский и обратился к собранию, спросил, кто за то, чтобы принять Лиду Зинкину в члены Ленинского комсомола, поднялся весь ряд.

В этот день Лида не спорила с проробом: наряды были выписаны накануне.

В. БОНДАРЕНКО

г. Темир-Тур.

бил. В сводку попали такие подробности, как багровый закат, лугунки в воздухе, успокоительная рябь воды, зловещие глаза врага... Словом, получилось не сводка, а сочинение с приключенческим сюжетом. Потом мне передавали, что мое сообщение читали все сотрудники Чека и хохотали до слез.

А вскоре меня от этой работы разумно освободили по молодости.

— Занимались-ка ты, писатель, лучше своим прямым делом, в канцелярии.

НА УЧЕБУ

— Скорей же! Скорей! Мой приятель добирался, а я, еще не измывший необходимостью в этом занятии досадовал, торопил его. Все обещание дано опустело, затили коридоры, только сингу доносился будоражающий гул поездов. Наконец с бурой приятеля было покончено. Мы скоро осмотрели друг друга, влезли за руки и стремглав помчались вниз.

И вот мы в переполненном, залитом светом постре восточной бывшей мужской гимназии. Я поспею сюда не впервые. Несколько лет тому назад в этом зале для детей пермской знати устраивалась елка. Моя мать, по-

ломойка гимназии, провела меня на этот вечер с заднего хода. Помню, я замер от асторга при виде величественной, сверкающей огнями елки. Еще большее восхищение вызвал живой дед-мороз, который нес на плече маленькую елку, увешанную дорогими конфетами. И последние дети срывали эти конфеты и всево смеялись. Сорвался с места и я, но тут кто-то потянул меня за пояс.

Заскок. В тишине громко прозвучал голос со сцены: — Товарищи комсомольцы, молодец! Торжественное заседание комсомола, посвященное открытию пермского рабфака, считают открытым.

И, кажется, впервые под великолепными сводами зала зазвучал могучий «Интернационал» гимн народа, победившего мира.

В тот день мы сели за парты, выполняя наказ Ленина: учиться, учиться и учиться!

Аркадий КРЯЖЕВСКИЙ

«Можно только позавидовать киешским студентам: таноров и оборудования — тамовича Марали (слева)»

Дитяро Мэдам ойтмет день рождения в Киве

**ПОЕЗДКА ДЕЛЕГАЦИИ
АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ
ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ**

Фото А. Уэлля.

— А Вана Киббера вы знаете?
— О да, знаю, но никогда не видела...

— А я видел и слышал его игру у нас в Киве. Это очень здорово!

— Здорово! А что такое «здоровый»...

Когда люди только что познакомились, еще ничего не знают друг о друге, но хотят знать много, трудно предугадать, куда потянется нить разговора. Ответ на один вопрос вызывает сразу же два новых. Разговор, отрывок из которого я привел выше, начался, кажется, с вопроса о том, сколько лет нужно учиться студенту-медику. Это спросила Карли Роджерс из Гарвардского университета. Ответил ей Леонид Капитонов из Украинской сельскохозяйственной академии. Кто-то вставил слово, затем другой, и, как говорится, беседа завязалась...

Самое любопытное заключалось в том, что разговор этот происходил на перроне Киевского вокзала. Перрон был переполнен людьми: киевляне провожали студентов и молодых рабочих на уборку целинного урочья. Уезжало больше тысячи человек, провожающих было не меньше,

По приглашению Комитета молодежных организаций СССР в середине июля в Москву прибыла делегация Совета студенческих путешествий США во главе с профессором русской истории Ральфом Фишером. Больше сотни американских юношей и девушек познакомились с достопримечательностями столицы, побывали на фабриках и заводах. Затем, разбившись на группы, гости из США совершили поездку по Советскому Союзу. Одна группа выехала на Украину, другая — в Сталинград и Ростов-на-Дону, третья — в Ташкент, Алматы и другие города.

Мы публикуем репортаж о пребывании группы американских студентов в столице Советской Украины.

На проводы пожелали приехать и члены американской молодежной делегации, состоящие в Киве. Выйдя на перрон, они сразу же «окупились» в шумную толпу молодежи. 30 минут, оставшиеся до отхода поезда, прошли в оживленной дружеской беседе. Именно дружеской — это чувствовалось по тому, как неохотно раставались новые знакомые, как много еще хотелось им сказать друг другу. И когда поезд тронулся, Майра Бергман кричала своим новым знакомым по-русски «Счастливого пути», Джоси Гендерсен, держа букет цветов, подаренный ей киевским студентом, провожала целинников по-

путным «Гуд бай», а Джон Мэдд дун на пальцы, прощаясь, и горячо жали руки все 42 пассажира четвертого вагона...

Я вспомнил этот вокзальный эпизод, потому что он очень характерен. Вот так же возникли все новые встречи и неожиданные знакомства, каждый день по несколько раз. И так всю неделю, которую пробыла в Киве группа молодых американцев — членов делегации Совета студенческих путешествий США.

Больше всего их интересовала, разумеется, жизнь советской молодежи. Гости побывали в двух крупнейших вузах Украины — Государственном университете

имени Шевченко и Киевском политехническом институте. И хотя климатурный июль не лучший месяц для знакомства с вузовской жизнью, американцы имели возможность получить исчерпывающие ответы на все интересующие их вопросы.

В кабинете директора Политехнического института Александра Сергеевича Плыгунова для встречи с американской делегацией собрался профессор, студенты, представители общественных организаций. Сначала А. Плыгунов рассказал коротко об институте, его истории, структуре, об учебном процессе, научно-исследовательской работе и т. д. Американцы записывали что-то в свои книжечки, затем начали спрашивать.

Мы не знаем, много ли вопросов задают они обычно своим профессорам на лекциях, но здесь они показали себя очень любознательными студентами. Каждый раз одновременно поднималось несколько рук. Вопросы, конечно, самые разнообразные. Студент Гарвардского университета Гидо Голдман хотел, например, знать, каковы размеры стипендии в Политехническом институте, геолог Ричард Момсон просил назвать какие-либо работы студентов в области химии. Были разные вопросы, в некоторые вызвали даже горячие споры. Что ж, и это неплохо, спорить — это не значит ссориться!

Гости заходили в аудитории, по долгу рассматривали оборудование лабораторий, побывали в студенческой библиотеке, которая, кстати, выписывает 300 зарубежных журналов. С бытом и отдыхом студентов американцы познакомились в спортивно-оздоровительном студенческом лагере Политехнического института, расположенном на живописнейшем месте на правом берегу Днепра. Здесь они находились десять дней.

Мы были вместе с американцами в университете, в панорамном кинотеатре и в Институте гигиены труда и профзаболеваний. Всюду перед ними гостеприимно открылись двери. Несколько часов пробыли гости на «Точилкопринтер» — крупнейшем и совершеннейшем заводе, который выпускает более ста типов различных электроизмерительных приборов.

В Софийском соборе.

Американцы встретились с комсомольцами Киева, отъезжающими на уборку целинного урочья.

Сколько здесь памятного для нас! Все это хочется обман...

ДВЕ СУДЬБЫ

Названиям товарищ редактор!

Участник Шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов журнала «Смена» опубликовал мое письмо, в котором я призвал своих зарубежных друзей-строителей крепить дружбу и бороться за мир.

Это письмо прочли многие делегаты, приехавшие на фестиваль в Москву из Англии, Швеции, Чили, Финляндии, Италии, Норвегии и других стран. На интернациональном вечере дружбы во Дворце культуры «Новатор», куда мы, строители, пригласили своих товарищей по профессии, я познакомился с Пентти Пермякя — молодым камешником из финского города Куопио. Мы рассказали друг другу о своей жизни, работе, условиях труда на стройках, обменялись адресами и обещали писать... Когда мы прощались, Пентти сказал мне, крепко пожимаю руку:

— Мне тоже очень дорог мир, Илан. Я тоже хочу спокойно трудиться для счастья своего народа. Я не хочу никому приносить страданий и не хочу переживать их сам!.

С тех пор прошел почти год. Я по-прежнему работаю в Москве, недавно стал бригадиром. Сейчас мы строим жилые корпуса на юго-западе столицы. Дел у нас много: ведь в этом году москвичи должны получить новые миллионы квадратных метров жилья!

Я часто вспоминал нашу встречу во Дворце культуры и думал: «А как живет и работает мой финский друг Пентти Пермякя — камешник из города Куопио? И вот на днях я получил от него небольшое письмо. Мне кажется, это письмо с интересом прочтут и читатели «Смены», поэтому прошу вас опубликовать его на страницах журнала.

Иван ИВАНЗЕВ

Куопио, Финляндия

Дорогой друг!

Шло тебе в далекую Москву горячий привет! Извиняю, что пишу с большим опозданием, но, говорят, лучше поздно, чем никогда.

Мы долго еще будем вспоминать незабываемые дни, проведенные в Москве, на фестивале. В наших разговорах мы часто возвращаемся к твоей стране, потому что, побывав у вас в гостях, увидели очень много хорошего и увезли домой самые яркие впечатления.

Сколько событий произошло после фестиваля! И я не опоздаю, если скажу, что наиболее волнующим из них был запуск советских спутников. Мы не могли спать, когда слышали позывные из космического пространства, когда спутник пролетал над нашим городом. У нас очень любят говорить о спутнике.

Усилия советского народа, направленные на сохранение мира во всем мире, вызывают большие симпатии к СССР. Решение советского правительства об одностороннем прекращении испытаний ядерного оружия ясно показало, что ваш народ искренне борется против войны...

Мы можем только констатировать, что живем в век огромных событий. Если посмотреть глазами простого рабочего на то, что происходит в нашей стране, то едва ли найдешь что-либо положительное, похожее на ваши успехи и достижения... Безработица, о которой я уже рассказывал тебе, выросла еще больше, и число незанятых рабочих достигло цифры, рекордной для последнего десятилетия. Правда, это весьма печальный рекорд!.

От безработицы особенно сильно пострадали рабочие-строители, но и во многих других отраслях промышленности, где раньше этого почти не наблюдалось, за воротами предприятий оказалась целая армия трудящихся... Я знаю, что московским строителям это покажется странным: ведь и в Москве и в других советских городах так

много работы! А мы, к сожалению, строим все меньше и меньше.

Вот я и оказался в огромной армии безработных, хоть и удалось мне проработать большую часть зимы.

Все это, конечно, мало радует. А если добавит еще, что цены на продукты в этом году продолжают расти, жизненный уровень снижается, то станет ясно: prospects в будущем не предвидятся...

Расскажу тебе о работе, которую мы ведем в наших рабочих организациях. Та молодежная группа, которая готовила нашу поездку на Московский фестиваль, по-прежнему продолжает свою деятельность. На последнем собрании мы решили возобновить изучение русского языка. Дело это нелегкое, но у нас достаточно сил и большое желание... Нам очень хотелось бы начать переписку с группой советской молодежи, чтобы лучше узнать жизнь молодых рабочих СССР и рассказать им о своей стране.

Мы предполагаем организовать небольшие выставки о жизни и работе молодежи других стран. Для этого есть товарищ Розалия, которая может познакомиться со своими сылками до нашей организации! Рабочие гордятся домом: ведь это лучшее место для проведения разговоров, праздников и собраний. Мне бы хотелось показать тебе наш дом как специальный.

Наши строители хорошо отпраздновали день Первого мая. К сожалению, мы еще не добились того, чтобы весь финский рабочий класс в единном строю вышел на первомайскую демонстрацию. Но мы очень хотим этого, а ближайшим будущим рабоче-рыдыслились водною,— тогда общими усилиями мы сможем бы устроить все, что так гнетет нас сегодня.

Как ты работаешь, Илан? Как учишься? Очень хочется узнать обо всем, что связано с твоей жизнью.

Желаю тебе больших успехов!

Твой друг

Пентти ПЕРМЯКЯ

Гости посетили могилу Неизвестного солдата.

— Мой сын — тоже студент. — с гордостью говорит Мария Алексеевна Терехина, работница завода «Точлен-тримпбор».

Немало записей появилось в блокнотах гостей при посещении музея Тараса Шевченко.

СЕМЬ

И здесь началось с общей беседы в кабинете директора, а закончилось тем, что по цепочке, по залам заводского Дворца культуры гости проходили уже не слуховой группой. С Анной Кисельгофф шел молодой инженер Юрий Стобиль, что-то на ходу рассказывая ей. Рядом шла другая пара — Иоланда Янковски и чертежница Жанна Голик. И у каждого гостя оказались свои собеседники, в разговор, который шел и по-русски и по-английски, был об одном и том же: о жизни, работе, учебе, отдыхе молодежи.

Молодые американцы увезли из Киева много записей в блокнотах, много отснятых фотопленок. Они увезли в своей памяти немало впечатлений о жизни и характере советских людей.

В один из вечеров во время ужина молодому американскому юристу Ринарду Мэдзали был продемонстрирован огромный тост — 29-ю горящими свечами. На столе появились американские, а представительница Комитета молодежных организаций Украины Светлана Кирилова, подняв тост, пожелала Ринарду в день его рождения большого счастья. Это было неожиданно для всех и больше всего для самого именинника. Он долго молчал. Потом встал и сказал:

— Я был настолько потрясен этим сюрпризом, что не сразу пришел в себя. Мне кажется, что я теперь понял русскую душу, понял, что такое сердечность и гостеприимство русских людей.

А на заводе «Точлентримбор», в университете и в других местах, которые они посетили, молодые американцы оставили на память несколько своих групповых снимков с надписью:

«Снятые на этом фото американцы, посетившие СССР летом 1958 года, выражают благодарность за ваше гостеприимство. Мы искренне надеемся, что будущее принесет гораздо больше таких обменов».

Мы тоже надеемся. Об этом упоминаю каждый раз, когда встречаюсь и разговариваю вместе с собой американские и советские юноши и девушки.

К. ГРИГОРЬЕВ

В. Юган.

арни, живописный мест, ностройте! лучше запечатлеть на пленку...

знаменательной поездкой — Михаил Павлович Бутовцов и Константин Михайлович Жибоедов.

Нас ждал завтра в Стокгольме один из решающих матчей чемпионата мира, а мы думали не об этом завтрашнем матче, а слушали поучительный рассказ нашего футбольного ветерана о том, который происходил тридцать пять лет назад.

Тогда, в 1923 году, наши футболисты еще не числились в списке лучших команд мира. Да и вообще старые футбольные воюны не желали прикидывать нас за спортсменов. Встретили в Стокгольме команду РСФСР в тот первый приезд не дружеским «добрым словом», а издевательским и улюлюканьем. Буржуазные газеты помещали обидные карикатуры на наших футболистов. Организаторы соревнований отнеслись к советским спортсменам как к бедным родственникам. Играть заставляли чуть ли не каждый день. Возили из одного конца страны в другой не в спальных вагонах, чтобы ребята могли отдохнуть, а в обычных («в лошадей, 40 человек»); жить устранили не в гостиницах, а в общежитиях. Когда наши футболисты пробовали протестовать, им говорили:

— Вы еще ученики, юниоры, и на большее претендовать не вправе.

Но вот прошли первые матчи, и отношение к юниорам стало заметно меняться. «Юниоры» победили «сенюров» в Стокгольме, Гетеборге, Мальмё. В девяти встречах советские футболисты одержали пять побед и четыре игры свели вничью. Организаторы соревнований срочно пришлось переводить «юниоров» в группу «сенюров».

«Шагды устранили» в Стокгольме дополнительный, десятый матч. Они надеются выиграть его, реабилитироваться. Но команда выходит на поле и видит: над трибуной, как и во все прошлые матчи, развевается только шведские флаги, советского нет. Застава возмущены.

— Когда и вам в Стокгольме приежзат норвежские или немецкие футболисты, разве вы не вешиваеате над стадионом их флаги? спрашивает шведок капитан советской команды.

— Норвежские и немецкие флаги имеются у нас в запасе, а ваш, русский, мы просто не успели сшить».

— А вам и не нужно трудиться шить. Мы привезли с собой готовый флаг,— говорит капитан и протягивает шведам драпесу с красным полотнищем.

Но организаторы матча и тут находят отговорку.

— Для того чтобы вывесить на стадионе советский флаг,— заявляют они,— требуется специальная разрешительная городская владродские власти отдадут.

— Как знаете, а мы играть без флага не будем,— говорит капитан

Момент игры СССР — Бразилия.

тан и вводит команду в раздевалку.

На стадионе создается «идеальное» положение. Публика шумит, свистит, протестует. И вот, вопреки желанию организаторов матча, над главной трибуной опускается один из двух шведских и поднимается советский флаг. Поднимается впервые за все время существования советского спорта, поднимается в буржуазной стране, на королевском стадионе, при огромном стечении публики.

Десятый матч в Швеции приобретает особое значение. Прогреть такой матч ни в каком случае нельзя было. И хотя советские футболисты очень устали: за 15 дней провели десять матчей,— они и на этот раз ушли с поля победителями.

После знаменательных игр 1923 года советские футболисты много раз встречались со шведскими и на стокогльмских и на наших стадионах, и почти все встречи закончились заочниками нашей победой, все, кроме последней, которая состоялась в этом году на первенство мира. Именно в этой встрече мы оказались победителями и лишились права продолжать борьбу за золотой кубок чемпионов мира.

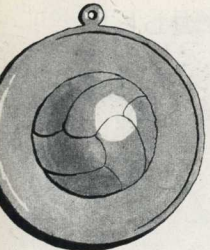
Как! Почему это произошло? Ответить на этот вопрос и трудно. Во-первых, нас подавал жребий. Из-за него мы оказались в самой тяжелой подгруппе и вынуждены были играть в финальной пулке с самыми сильными командами мира: Бразилией, Англией, Австрией,— каждая из которых могла претендовать на титул чемпиона мира. Во-вторых, нас подавал судья Жолт, который в первой игре с Англией назначил

в наши ворота несправедливый одиннадцатиметровый штрафной удар, заставив советскую команду играть лишней минутой.

Все эти причины серьезные, справедливые, и том не менее, они годятся только для формального оправдания, не больше. Если же говорить по существу, то мы были из соревнования потому, что плохо подготовились к первенству мира.

Советские футболисты всегда, даже во время первых выездов за границу, имели свой собственный тренерский штаб. Индивидуальной, подчас виртуозной игре буржуазных футболистов они противопоставляли свою командную, коллективную. Дружба, взаимопомощь в игре, воля к победе помогали нашим футболистам брать верх даже над более сильным противником. К этому хорошему качеству после войны наши футболисты прибавили и новое — более совершенную тактику. Именно советские футболисты первыми применили систему так называемой плотной защиты. Наши игроки лучше вели и физическую подготовку и серьезным соперникам. Это позволяло нам с одинаковой легкостью играть и в начале и в конце матча, а то время когда их противник во втором тайме не выдерживал высокого темпа игры, быстрее уставали и проигрывали.

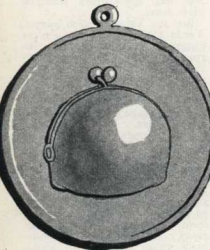
Но даже и в эти годы успешным выступлением наших футболистов имели один серьезный недостаток. Технически они были подготавливаемы слабее некоторых иностранных команд: англичан, французов, южноамериканцев. Наши игроки хуже владели обводкой, финтами, ударом по воротам, ударом по

Сем. НАРИНЫЯИ

ОБОРОТНАЯ сторона МЕДАЛИ

(Два письма из Швеции)

1. «Юниоры» и «сенюры»

Интурист решил сделать доброе дело — послать группу любителей спорта в Швецию, где stattfinden лучших команд мира оспаривали почетное звание чемпионов по футболу. А среди лучших были и наша, советская команда.

От Москвы до Стокгольма всего три часа лета. Наши футболисты прибыли в Швецию именно этим воздушным путем. Что не касаясь туристов, то мы предпочли более древний способ передвижения: до Хельсинки ехали поездом и от Хельсинки до Стокгольма — пароходом. Именно так тридцать пять лет назад из Москвы в Стокгольм и отправилась футбольная команда РСФСР. Это был первый выезд советских футболистов не только в Швецию, но вообще за пределы своей родины. Вместе с нашей туристской группой ехали два участника той

ману головой... Боле совершенная тактика и форма физическая подготовка до поры до времени компенсировали эти недостатки. Но в последние годы наши противники с большим прилежанием учатся нас, чем мы их. И результаты сказались: мы стали играть хуже и все чаще и чаще проигрывали командам, у которых прежде легко выигрывали. И вот, наконец, теперь, на VI первенстве мира, посмотрев игру шведской, французской и особенно бразильской команд, мы воочию убедились, до каких замечательных высот может дойти футбольное искусство, когда виртуозное владение мячом сочетается с коллективной тактикой игры. Такой футбол не только приносит очки, победы, он доставляет истинное наслаждение и зрителям.

Учиться! Вот тот вывод, который должны сделать наши футболисты, возвратившись с VI чемпионата мира. Учиться у противника тому, в чем мы слабее его. Прежде всего учиться технике.

VI первенство мира собрало в Швеции не только все лучшие футбольные команды, но и всех лучших футбольных судей. Казалось, лучшие должны были издать чемпионат от всяких досадных казусов. Но, увы! Мы уже говорили о несправедливом пенальти, назначенном судьей Жолтом в ворота СССР. А в матче Франция—ФРГ случилось обратное: там игрок допустил ошибку, причем умышленно, а одиннадцатиметрового удара судья не назначил. Во встрече Нехословакия—ФРГ произошел другой казус: судья засчитал гол, хотя мяч и не пересек линию штрафной ворот. А во встрече Франция—Бразилия мяч хотя и побивал в ворота, гол, тем не менее, засчитан не был.

Несколько слов о грубости и «темпераменте». Самым грубым игроком мирового чемпионата оказался аргентинец Росси. В матче с ФРГ он нанес повреждение трем игрокам, а четвертого, Фри-

Рисунки Е. Гурова.

ми яйцами. Сейчас полицейские доносят уловки аргентинских футболистов, оберегая их от мести разъяренных болельщиков.

В дни VI футбольного первенства доходило до крайностей не только киножурналисты, но и зрители Западной Германии. Команда ФРГ, как известно, проиграла четвертьфинальный матч команде Швеции. Болельщики ФРГ выместили свое зло довольно необычным образом: они повалили несколько шведских флагов и избili попавшими им под руку шведских туристов, которые находились те дни в городе Западной Германии. Эти крайности объясняются, конечно, не темпераментом, а неосознанностью западногерманских болельщиков.

Хотя в матчах VI футбольного первенства играли лучшие команды мира, подавляющее большинство трений происходило при полупустых трибунах.

Но все из-за телевидения,— писали местные газеты. Однако трибуны пустовали не столько из-за телевидения, сколько из-за бизнеса. Организаторы первенства вели довольно долговязый торг с телевизионными компаниями, запросив с них огромную сумму денег за право трансляции матчей. В конце концов требуемая сумма была снижена с условием, что фирма «Финияс» гарантирует оплату всех непроданных билетов. Сделка оказалась взаимовыгодной: у «Финияс» лучше стали продаваться телевизоры, а организаторы матчей избавились от обязанности выплачивать государству налог с проданных билетов, так как «Финияс» вносил деньги за непроданные билеты без вычетов. Таким образом, сложилось парадоксальное положение: чем меньше зрителей приходило на стадион, тем выгоднее было организаторам матчей.

Бизнес наладившая своей отпечаток на все. Стоило в каком-нибудь матче вызваться новому талантливому игроку, как за ним тотчас же начинали сходить в деловые спорт. Торг шел, как на конном рынке. Цены, назначавшиеся футбольными барышниками, выносились буржуазными газетами в заголовки: «Левая нога центрфорварда оценена в 50 000 крон или «Исландский босс предлагает за парагвайского нападающего 300 000 пестов».

За Бразильского игрока Мадцолу, который заменит мощным ударом с правой ноги, вели торг с бразильскими боссами два итальянских клуба «Рома» и «Милан». За мощнейший удар с правой, по сведениям спортивных репортеров, бразильский клуб «Пальмейрас» требовал с итальянцев 150 000 000 лир. Чем кончился этот торг, пока неизвестно.

На футбольном первенстве, словно на аукционе, покупались и продавались не только ноги футболистов. Марсель, полузащитник сборной Франции, продал в рекламных целях даже свою причешку, снимок с которой теперь можно увидеть в отделах объявлений спортивных газет рядом с изображением флажончика бриллиантовой фирмы «Кристаллизанс». Жюст Фонтэ, забивший в первенстве наибольшее количество мячей, «сдал в аренду» пишевым фабрикантам свой желудок и теперь горюхагоном приглашает употребить на третьем этаже «королевских желез». А центр нападения французского Копя продал фирме фруктовых вод свое имя и приглашает звать «королевские желез» лимонном «Копя».

Закончился футбольное первенство, и сразу же наступила пора сделок и спекуляций. На аукцион выставляются уже новые и новые футболкисты — бразильцы Пеле и Гарринча, швед Симонсон... И это никого не удивляет, никого не возмущает. Бизнес — такова оборотная сторона буржуазного спорта. Но только ли спорта?

2. Мораль из-за океана

— У нас три месяца зима, а остальное время года мы ждем лета — говорят шведы.

И хотя солнце не багует Скандинавию, в Швеции очень много цветов. Причем цветы здесь не обычных размеров, и необыкновенных размеров. Флажки величинной с маргариткой, маргаритка — с ромашки, а ромашка выглядит почти как небольшой подсолнух.

В Стокгольме много не только цветов, но и машин. Автомобили, мотоциклы и несомненно верные велосипеды заполняют улицы в часы пик так густо, что через центр города можно быстрее пройти пешком, чем проехать.

Швед расматривает автомобиль прежде всего как свою визитную карточку. Жителю Стокгольма хо-

Этим ветеранам русского футбола доводилось играть на мордовском стадионе в Стокгольме и двадцать и тридцать лет назад. На снимке (слева направо): И. Жибедов, М. Бутусов, В. Нусов.

Фото Н. Привалова.

чется, чтобы вы судили о степени его процветания по марке его машины. Поэтому автомобили покупаются здесь не только по средствам, но и вопреки им. Богатые люди делают перечисления на счет фирмы «Мерседес» или «Форд», и новая марка автомобиля сразу же оказывается в их распоряжении. А люди среднего достатка копят кронны, экономя на всем, и главным образом на культурных расходах: они редко ходят в театр, мало покупают книг.

На стадионе «Расунда» я познакомился с продавцом апельсинов и «кока-кола». Судя по всему, это был мальчик из вполне обеспеченной семьи. Торговал он апельсинами не из нужды, а чтобы заработать деньги на покупку мотороллера. В прошлом году мальчик приобрел таким образом велосипед. В этом году велосипед перестал удовлетворять. Числясь, и вот уже пятый месяц он занимается «новым гешетфом».

— Разве торговля не отвлекает тебя от школы!

Перед финальным матчем у ворот стадиона.

— Что делать? — сказал мальчик. — Должен же я хоть в будущем году иметь мотороллер.

Продавщица кишинского магазина моды Эженн рассказала туристам еще более характерную историю. Ее сосед по дому решил склеить старую автомашину на новую модель, но ему не хватало тысячи крон. Ждать и экономить соседу не хотелось, и он угораздил жену заработать недостающие деньги на панировке. В сагарадванне этот сосед склеил примерно то же, что и юный торговец апельсинами:

— Не могу же я остаться на будничной год без машины новой!

Про это случай узнали журналисты и опубликовали разоблачительную статью. Однако они возмущались не тем, что человек хорошего достатка в районе за ночь склеил старую автомашину толкнув жену на гниусый, грязный промысел, а тем, что, занимаясь гнусным промыслом, женщина не уплатила со своих заработков налогов.

Не так давно журнал «В защиту мира» напечатал статью, кажется, французского автора Евы Фреден, о катастрофическом падении нравов в Швеции. Мне казалось, что Ева Фреден увлеклась, и зря обрисовала молодых жителей Стокгольма паниками. По литературе и школьным хрестоматиям мы знали шведов как людей твердой, здоровой морали, уравновешенного характера. Но за последние годы какая-то ржавчина сильно подточила эту здоровую мораль. Сейчас шведская молодежь ведет себя так неприлично, что это бросается в глаза не только приезжим, но и самим шведам.

В дни VI футбольного первенства за Стокгольм, Гетеборг и другие шведские города съезжались тысячи спортсменов, туристов, болельщиков. К каждому приходу поезда или парохода у гостиниц собирався толпы молодежи. Здесь меньше всего было коллекционеров автографов. Встречали приезжих глазами образом девушки 15—16 лет. Все они были в традиционном рок-н-ролловском виде: узенькие, укороченные брюки, синие-голубые прищипка сигарета в зубах. Чем зловещнее выглядели гости, тем больше восторгов выражали девочки. Гиды еще не успевали высидеть всех приезжих из автобуса, как вы мо-

На одной из улиц шведской столицы. Реклама фотолюбителей. Фото В. Светланова.

ли увидеть тут же, рядом с гостиницей, кино-инибуль максимистки из паргавской команды и девушку обнимающихся, хотя еще как назол они не были даже знакомыми.

Помнящая женщина, служащая гостиницы, в которой жили советские туристы, возмущалась поведением девочек с сигаретами в зубах так же сильно, как и все мы. У нашей гостиницы пасека целенький высадок тахи,— сказала женщина.— У всех этих девочек есть папы и мамы...

Папы и мамы, оказывается, знали о времепроисхождении своих дочерей и не нинили ни никаких препятствий. И делалось это вовсе не из-за недостатка времени. Дело в том, что в Швеции сейчас в моде теория свободного воспитания детей (есть, оказывается, и такая теория). Она гласит, что дети должны расти и воспитываться в полном соответствии со своими склонностями и стремлениями, без грубого вмешательства со стороны старших. Такое вмешательство якобы противоречит принципам полной свободы. И вот, согласно этой теории, дети растут, тянутся вверх, как самая трава на задворках.

В Гетеборге из-за плохой договоренности туристской организации с железнодорожной администрацией нишей группе туристов предоставили вагон не в десятичасовом поезде, а только в полночном. Ждать два часа поезда на платформе было утомительно, и в аышы на приназначеную площадку. Вскоре к моей скамейке подошли на маленьком «Опелле» паренек лет шестнадцати. Он вытаращил из кармана журнал и стал перелистывать его. Журнал назывался «Парик—Голлмууд». В нем почти совсем не было текста. Страницы журнала заполняли фотографии примерно так красиво,— тех, которых называют в Америке «rip-up-girls» (девушки с обложкой). Девушки были одеты в роз, в разных позах. И на этих

ни в одной юбке, ни одной кофточке нитка с бусинкой, вот и все одеяние. Наконец к скамейке подошла, очевидно, та, которую ждал паренек, подкативший на «Опелле». Она села рядом и сразу же начала целоваться с паренком. Ни я, ни переводчица, которая сидела со мной рядом, ни люди, идущие с вокзала и на вокзал, нисколько не смущали юную парочку. Только один раз девочка оторвалась от своего занятия, чтобы спросить:

— У вас есть спички?

Спички оказались у переводчицы. Девочка затянулась дымом и тотчас же принялась за преранов...

— Сейчас такое время года,— как бы извиняясь, сказала переводчица.— Июнь—июль. Только в это время года у нас много солнца. Оно и дымом ночью, и молодежь торопится, хочет успеть белье ножи.

— А когда нет белых ночей, молодежь ведет себя строже?

— Тогда ночи темнее, и те, которые не хотят видеть, не замечают этого.

— Они, наверно, сильно любят друг друга?

— Не думаю. Наверно, очевидное удушение. Дружки на поводах.

Девочка подняла голову с плеча юности для очередной затяжки сигареты. У этой девочки были нинили паранов, ценны заметным пушком, ридникова чистота голубых глаз и— увы!—уже не старый милолэтный дружок. Мне стало как-то не по себе. Вот он, принцип свободного воспитания молодежи!

Не все родители, конечно, придерживаются здесь этого дикого принципа. В значительном большинстве шведские семьи воспитание поставлено с нужной строгостью. Мне рассказывали об одном крупном предпринимателе, который заставлял свою единственную дочь поступить в магазин радосой производящей. Причем папа послал дочь не в свой магазин, где будущей наследнице могли сделать поближик, а в чужой. Сын служащей из гостиницы, о которой я говорила, тоже воспитывается по старому, испытанному методу— в труде. Он работает шофером. Я его видел, говорил с ним. Это милый, скромный паренек. Когда рядом с таким видишь на улице, в поезде, в скверях стайки развращенной, размазаванной, развращенной молодежи, становится как-то стыдно и обидно за страну, о которой были так много писано прежде. Это мо-

лодея не может уже оспетивать, уркини ни абсолютного самознание (а где же тогда принцип полной свободы!), ни школа (многие из них имеют дружок и подружек с седьмого класса), ни тем более, червяк.

«Несколько часов назад, субботним вечером», писала Ева Фреден.— стоковский епископ Льюнберг отправился в самый популярный дансинг города—«Нален» и в этом черстве рок-н-ролла читал проповедь.

Проповедь, конечно, не помогла. Я пошел по следам Льюнберга в одно из черств рок-н-ролла и, должен прямо сказать, ничего гнуснее и неприличнее в своей жизни я не видел. Здесь откровенно все. Манеры, костюмы, музыка. Контрабасист играет, поет, танор сидит верхом на инструменте. Танор поет, стоя вниз головой. Кавалеры не водят дам, как принято, под руку, ходят из локтей, визжащих, вверх ногами над танцующим залом.

Теп, рок-н-ролл—это вовсе не танец. Это «философия», ставшая похоть выше интеллекта, отходящая душевной пустоте предтеча перед лицом свободы, философия эта, так же как и теория свободного воспитания, конечно, не шведского происхождения, а привозная. Она доставлена на Скандинавский континент из Америки и вот уже который год разрушает крепкие устои здоровой морали. Не случайно Швеция занимает сейчас первое место в Европе по количеству разводов, вторичному браку, преступности, суицид и одно из последних мест— по рождаемости.

Несмотря на то, что алкоголь в Швеции находится под строгим контролем, пьян в Стокгольме очевидно много. Продаются также спиртное, но и наркотики. Впрочем, выпуск открыток в Швеции тоже находится под контролем— сюжеты открыток здесь высоко нравственного свойства,— зато скупаются у школьников карандаши с изображением кулпачины. Пока мальчик решает задачу, кулпачина успевает раздеться. Как только задача решена, кулпачица уже снова в costume.

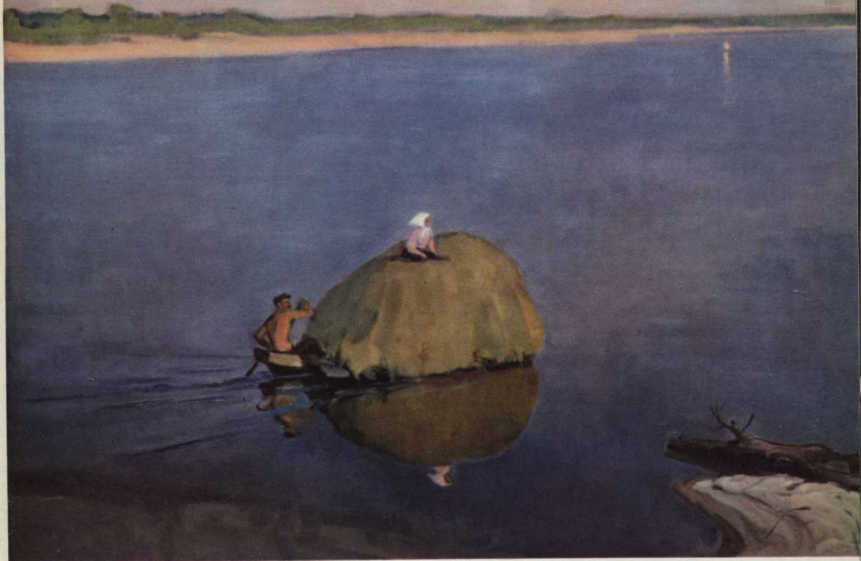
Эти «саморазвивающиеся кулпачины» принадлежат к нового шведы чуть ли не в младенчестве. Они и на детской соске, и на рекламном щите, и в витрине магазина. Он слышит о них в радиопередаче, он видит их в фильмах Голлмууда. И это, конечно, не остается без следа. Стайки бездумных, опустошенных мальчиков и девочек превращаются в стаи. Развращенность нравов. Начинает принимать форму. Вспомните, какой вопрос: почему бы не приостановить мутный, развращающий поток заокеанских фильмов, радиопередач, бульварных книг и журналов?

— Не можем,— говорят шведы.— У нас давняя деловая и политическая дружба с заокеанской державой. Бизнес!

— А как же быть со шведской молодежью? Ее моральными устоями!

— Что делать! Такова оборотная сторона бизнеса. Стокгольм—Москва.

Д. Шамкин. Вечер на Днепре.

А. Бекарян. Продавщица цветов.

С. Коровин. На миру.

Государственная Третьяковская галерея.

КИНООПЕРАТОРЫ ПРИШЛИ В ЦЕХ

Стенд с портретами передовиков производства можно увидеть на любом заводе. Такой стенд давно стоит и на «Фрезере». К нему привыкли, он прилежался. Рабочие не раз говорили в заводке, что нужны какие-то новые, более интересные формы популяризации новаторов. Но там только разводили руками: «А что можно придумать? Пусть Федин изобретает...»

Конечно, ссылка на Федина, начальника заводского бюро по рационализации и изобретательству, была шуткой, но, между прочим, именно Александр Егорович Федин и предложил нечто новое.

Как-то раз ему рассказали о клубе кинолюбителей, организованном на Московском автозаводе имени Лихачева.

«Свое кино, своя кинохроника! Вот то, что нам надо», — подумал Федин. — Тут тебе и наглядная агитация и пропаганда передового опыта...» Он даже начал мысленно рисовать широкие перспективы, которые сулило использование богатых возможностей этого кино.

Вначале администрация отнеслась к идее Федина скептически, дело было новое, необычное, да и требовало немалых затрат. Однако Александр Егорович не отступил. Его горячо поддержала молодежь. На средства БРЦЗ приобрели для киноаппарата и убедили заводком пригласить опытного кинооператора.

Кинохроника. При этом слове воображение рисует вездесущих

кинооператоров, окруженных ассистентами; прекрасные съемочные камеры. На «Фрезере» кинохроника захватывала несколько иначе. Не было ни ассистентов, ни первоклассной аппаратуры, а операторы только начинали постигать сложное искусство съемки. Но было у молодых операторов «Фрезера» главное: желание овладеть мастерством, любовь к кино. И через несколько месяцев напряженной учебы и упорного труда они показали в заводском клубе те же хроника: о предвыборном собрании и о ходе жилищного строительства.

Парни и девушки — молодые токари, шлифовальщики, конструкторы, нормировщики — в свободное от работы время освоили, так сказать, вторые специальности — операторов, осветителей, сценаристов. Они овладели сложной технической построением кадра, проработкой и монтаже ленты, научились проводить съемку в трудных условиях цеха, где необходимо дополнительное освещение.

Первые короткометражные фильмы, еще по-ученически отснятые, плохо смонтированные, принесли небольшому коллективу кинолюбителей заслуженное уважение. А когда в фотостудии у главной проходной стали регулярно появляться кадры из кинохроники, все на заводе окончательно уверовало в возможности создания собственного «Мосфильма»...

И вот незаметно в цехе малого режущего инструмента появилась группа кинохроникеров. Установили осветительную аппаратуру Арка-

дий Мухоматов, приготовил свою камеру Артур Литвинов... Началась съемка нового короткометражного фильма. Кружочки поставили перед собой сложную и вместе с тем очень важную задачу: сделать ренжарт к новаторам производства в передовых методах труда.

Работа над фильмом приближается к концу. Пройдет немного времени, и первый производственный фильм — очень нужный, очень полезный — выйдет на экран заводского клуба. А скорее всего, не только заводского: «Фрезера» крупнейшее предприятие по изготовлению режущего инструмента, и опытом его передовиков интересуются не только на заводах нашей страны, но и за рубежом. Можно не сомневаться, что через два — три месяца этот фильм уже будет на экране.

Творческих успехов вам, молодые кинолюбители «Фрезера»!

В. КУДРИНА

Немалого труда требует монтаж фильма. Евгений Постнов, Александр Янбеков и Дмитрий Ионанов отбирают наиболее удачные кадры.

Фото А. Удальца.

В сборочном цехе идут последние приготовления к съемке.

С. Корвин.
Автопортрет.

ПРАВДИВОСТЬ ХОУДЖИНИКА

19 августа исполняется сто лет со дня рождения Сергея Алексеевича Корвина. О творчестве этого известного русского художника написано очень мало, а живопись его, между тем, заслуживает глубокого изучения. Сергей Корвин за свою жизнь написал немного картин, но первая канва из них зрителям останавивается подолгу. В чем секрет обаяния этого художника?

В 1885 году на Первезиной выставке С. Корвин впервые выступил со своей, небольшой по размерам картиной. Картина называлась «Перед канавками», она сразу же обратила на себя внимание — все реакционные газеты обрушились на картину.

Что было изображено на картине? Двое восточных суев, сотовый, вольностей старшин, старин-эмиэнутор и христианский, готовящийся принять подорожное, стасывающийся с собой зинуя. Картина страшная до того, что даже берет Ренн писал об этой картине П. М. Третьякову: «...Это такая дрянь вещь, такая глубоко психологическая драма совершается на глазах, так все правдиво-благообразно и высокохудожественно, что я надивиться не могу. Очень мала, если Вы упустите этот перл настоящего искусства. Рекассасис и т. д.». Это большой талант, что и не усомниться.

Ничто не сгубило большой талант Сергея Корвина. Сиромый и адуменский художник пытно вглядывался в окружающую жизнь. Гневная его инста рассказывала людям о страшных вещах, совершавшихся вокруг. Художник подолгу раздумывал над каждой своей темой, писал много этюдов, собирал материал для картин. Серия его полотен на солдатской жизни поракала зрителя своей суровостью, простотой, точностью, глубоким психологическим мастерством и большой внутренней правдивостью.

После картины о солдатской жизни Корвин начинает собирать материал для картин о русских крестьянах. Глубоко изучая деревенскую жизнь, он тоньше и глубже многих других художников понимал трудности, происходящие в русской деревне конца прошлого века. Нет для него крестьянин не был тем безликим «серым братом», к которому пытались апеллировать и пашиновать народники. Глубокий психолог Корвин видел, что деревня вовсе не однородна по своему составу.

Венцом творчества Сергея Корвина стала картина «На миру», воспроизводящая сегодня в нашем музее. Почти десять лет собирал художник материал для этой картины. Закончил он ее в 1893 году. В русской живописи нет, пожалуй, другого такого точного по своей психологической глубине изображения русской деревни. Корвин увидел и показал то, чего не видели тогда многие другие: становление и страшный пропойный жилищный класс — «кулачество».

«Рыцарь без страха и упрека» — так называли Сергея Корвина его товарищи по искусству. Искренность, честность, гуманизм, глубокое раздумие над судьбами народа и блестящий психологический анализ — главные свойства художника. Его суровые полотна, в которых не выходящий спичком ярких красок, навсегда остаются в памяти зрителя.

П. КРАВЧЕНКО

Война позади...

Берлин пережил три тяжелых послевоенных зимы и готовился к четвертой, но выглядел почти так же, как в мае сорок пятого года: всюду торчали остовы разрушенных зданий.

Бывшая столица Третьей империи жила такой жизнью, какой не было ни у одного города за всю историю человечества. Берлин был расщеплен на четыре части, и в каждой — своя военно-окупационная власть и своя порядки. Хотя считалось, что жители города управляет Межкомиссарская комиссия из военных представителей СССР, Америки, Англии и Франции, на самом деле уже давно комендантура превратилась в место бесконечных и безрезультатных споров между представителями Советского командования и представителями Запада. Уже давно стало понятно, что Америка, Англия и Франция ведут последовательную политику срыва всех попыток Советского Союза наладить объединенную жизнь Берлина. Здесь в точности повторялось то же, что происходило в Контрольном совете, признанном управлять жизнью всей Германии. Представители Запада, все меньше стараясь это скрыть, добавляли окончательного раскола Германии на две части.

В советской оккупационной зоне делалось все для того, чтобы немецкий народ прочно вступил на путь мирной, демократической жизни. В то же время три западные оккупировавшие державы старались превратить Западную Германию в свою военно-политическую базу для атак против миролюбивой политики Советского Союза и против демократических преобразований в Германии.

Осень сорок восьмого года, когда начинаются события нашей победы, была особенно напряженной. Западные державы уже перестали хоть как-нибудь маскировать свои цели. «Маски сорваны!» — писала одна западногерманская газета. — Запад открыто вступил в политическую войну с Востоком...

Но тут беда: немцы, живущие в Западной Германии, не могли не видеть демократических перемен в жизни их соотечественников на востоке страны. Это очень тревожило тех, кто хозяйничал на западе Германии. Поэтому в стратегическом плане их «политической войны» особо важное место заняла всецелая диверсионная деятельность против Восточной зоны. Началась массовая засылка туда террористов, диверсантов, организаторов фашистских погромов и провокаторов.

Вот об одной из таких «операций» в так называемой политической войне Запада с Востоком и пойдет речь в этой повести...

Гром среди ясного неба вызвал бы меньше удивление, чем это событие: лейтенант Кованько бежал из Восточного Берлина в Западный и попросил там политического убежища. Это было несвероятно. В это невозможно было поверить. Но вот уже час, как в штабе советской воинской части шли занятия, а стол Кованькова стоял пустой. В полдень офицеры штаба, сгрудившись у приемника, слушали повторное сообщение западноберлинской радиостанции о побегах советского офицера Алексея Кованькова. Оттого, что диктор говорил на плохом русском языке, еще труднее было поверить в то, что он сообщил.

Передача окончилась. Заиграли джаз. Все посмотрели на пустой стол Кованькова. — Не верю. Не верю, и все... — тихо произнес капитан Радчук. Он был не только непосредственным начальником, но и другом Кованькова, они жили в одной квартире.

Он нечеловечески — спросил майор Зянгинцев.

— Часов до девяти мы играли с ним в шахматы... — Капитан Радчук сморщил лоб, припоминая, как все было. — Потом он сказал, что хочет съезди прачке белье... Возле в передней с чемоданом. Кто-то позволил ему по телефону. Вскоре я услышал, как хлопнула дверь.

— Он ушел с чемоданом? — Не знаю. Я в это время уже лежал в постели.

— А утром? Вы же всегда на работу шли вместе.

— Обычно мне приходилось его будить. А тут он еще вечером предупредил, что встанет очень рано, так как ему надо съездить за посылкой в гостиницу, где остановился приехавший из Москвы какой-то его земляк.

Майор Зянгинцев пожал плечами.

— Странно... очень странно.

— Не верю, не верю, и все... — упрямо повторил Радчук. — И все же факт остается фактом: его нет... — Лейтенант Уханов кинул на пустой стол Кованькова. — Ведь всего год, как он у нас в штабе. Разве мы его так уж хорошо знали?

— Да бросьте вы, ей-богу! — возмутился Радчук. — Вы же знаете, что он простой папаше, всей душой советский. У него не было в Москве.

В два часа дня майор Зянгинцев вызвал к себе всех офицеров отдела, в котором работал Кованьков. Кроме майора, в кабинете бы-

ли две stenografistki и незнакомый коренастый парень в хорошо сшитом штабском костюме.

— Поговорим, товарищи, о Кованькове. Скажем же, что мы о нем знаем и думаем... — Майор кинул на stenografistok. — Под stenografistok поговорим. Так надо. Кто будет говорить первым? Может, вы, Радчук, как его друг, так скажет?

— Почему «так скажет»? — Радчук встал. — Я действительно друг Кованькова.

Stenografistki, держа наготове ручки, бесстрастно смотрели в свои тетради. Незнакомый коренастый парень, сидевший в стороне на диване, сказал:

— Дайте, капитан, общую характеристику Кованькову.

— Лейтенант Алексей Гаврилович Кованьков, — заговорил Радчук скучным рапортовым — каким тоном, — комиссар, верней, уже кандидат партии, является, на мой взгляд, политически развитым и хорошо подготовленным офицером. Лейтенант Кованьков...

— Не то, не то! — Парень поморщился. — Вы, если можно, по-человечески.

Радчук уловил в просьбе парня дружеское участие к судьбе лейтенанта и заговорил о Кованькове совсем по-другому. Из его слов вырстал знакомый всем облик Алексея Кованькова, которого в штабе успели полюбить и за его добросовестную работу и за асаветский нрав. Лейтенанту Уханову, слушающему Радчука, стало стыдно за то, что он утром говорил о Кованькове. В самом деле, что еще нужно было о нем знать, кроме того, что было известно в Москве? Родился он в Москве, в семье учителя. Окончил десятлетку, пошел в военное училище. Затем получил назначение в оккупационные войска. Хорошо владел немецким языком и потому сразу был взят в штаб, в отдел, ведающий связями с армейскими демократическими органами уполномоченного одного из районов Восточной Германии.

Радчук кончил говорить и попросил разрешения сесть.

— Одну минуточку, товарищ капитан, — снова обратился к нему парень. — Вы сказали, что так талантливо Кованьков подружился с немецкой девушкой. Вы ее знаете? — Знаю, — немного смутясь, ответил Радчук. — Ее зовут Рената.

— В каких отношениях с ней был Кованьков?

— В очень хороших.

Парень усмехнулся.

— Это не ответ.

— Повторяю: в очень хороших, и это самый точный ответ на ваш вопрос. — Радчука обидела усмешка парня.

— Не был ли Кованьков влюблен в Ренату?

Радчук подумал и ответил:

— По-моему, к этому шло.

— Но вы только что говорили, что у Кованькова в Москве не было...

— Совершенно верно, но... — Капитан на секунду замаялся. — Это, товарищи, очень сложное дело. Согласитесь, что третий человек не может быть достаточно хорошо об этом осведомлен. Кованьков дважды познакомился со мной. Я не знаю, имел ли и право...

— Имеете, тогда произнес парень. — Больше того, obviously!

— Говорите, говорите, — попросил майор Зянгинцев.

— По-моему, с известной у Кованькова очень сложная ситуация. Когда его назначили сюда, она потребовала, чтобы он отказался ехать в Германию по семейным обстоятельствам, и предложила тут же оформить брак. А Кованьков решил иначе. Он подумал: не дело, чтобы семейная жизнь офицера началась с такого конфликта. И уехал в Берлин. Пожале усталых товарищи написали ему из Москвы, что его невеста там не скучает. Да и сама она тогда написала ему об этом, в это письмо член Кованьков покаялся. Очень нехорошее, очень злое письмо... Ну, вот... А полгода назад он познакомился с этой самой Ренатой. Она работает, кажется, в библиотеке. Меня он и ней познакомил тоже примерно полгода назад.

— От других он это свое знакомство скрывал? — быстро спросил парня.

— Очевидно. Меня он, например, просил ин-

кому об этом не говорить. Вы же знаете, такие дела у нас не поощряют.

— Мне говорил ваш Кованьков об этой девушке?

— Как-то он сказал: «Вот как бывает: ту, московскую, я знал три года, а на самом деле не знаю. А вот Рената, мол,— совсем другая». Больше он, пожалуй, ничего мне о ней не говорил.

— Потом говорили и другие. Все отозвалось о Кованькове хорошо. Машинистка Галочка так разволновалась, что на глазах у нас выступили слезы.

— Алена был чудесный, ну, просто чудесный парень! Прямо безобразия— думать о нем плохо...

2

— Все офицеры вышли из кабинета. Майор Звигинцев и коренастый парень остались в комнате.

— Ну, что вы скажете?— спросил майор.

— Это сложное,— задумчиво произнес парень, вставая с дивана.— Запишите на всякий случай мой телефон. Добавочный 33-07. Фамилия моя — Рычагов.

— Конечно. Известно по крайней мере, что за человек это ваш Кованьков...

— Вскоре Рычагов уже докладывал о том, что произошло в кабинете майора Звигинцева, своему начальнику — полковнику Семину. Полковник слушал внимательно, изредка утвердительно кивал крупной, до блеска выработавшейся головой, а когда Рычагов закончил доклад, сказал:

— История любопытная. Припомните прежние годы: Шельманов — морально разложившийся тип. Бунчук — просто враг, который очистил полуовую кашу. Крупинок — долго и усердно скрывавшийся враг советского строя. А сейчас, судя по всему, мы имеем дело с парнем хорошим. Наверняка опять хищение. При разветвлении диверсионной деятельности в нашей зоне для нас важно запечатлеть нашего, да еще и прилично осведомленного офицера.

— Настораживает, что тут замесана женщина, — сказал Рычагов, — как и в случае с Шельмановым...

— Я помню, помню... Но почему они так быстро поспешили мир об этом известить? Во всех прочих случаях проходила минимум неделя, прежде чем они извещали о победе. Тревожное время, чтобы обработать блгста. Помните? Им даже на жульня и разлозня Шельманова пришлось потратить неделю, чтобы заставить его говорить то, что им надо. А тут хороший, наш парень — и вдруг так быстро с ним саадил. Одно из двух: или товарищи Кованькова — шпыля и его не знают, или... хищение. И все же мне кажется, что это лейтенант не бежал. Так или иначе, надо срочно произвести дальнейшее расследование этой истории. Я думаю, что даже в случае позиции Кованькова мы предпримем не только открытые контрмеры. Простет преступство, а кроме того, — словом, будем действовать. Подготовьте предварительный план. И надо спешить. Они могут увезти его в глубь Западной Германии, тогда все будет значительно труднее. Я надеюсь на вас, товарищ Рычагов.

— Постараясь, товарищ полковник. Разрешите идти?

— Откаток для Павел Рычагов просящая в штабе. Дела, связывающие с явными и мнимыми побегими советских военнослужащих в западную зону Германии. Там, где речь шла о явном побеге, все было ясно. Вот, служивая в армии полдней, морально разложившийся человек. Естественно, что армейская дисциплина: он не нравился, и он, полагаю, что там, на Западе, будет лучше, быстрее. Первые три — четыре месяца его действительно там было лучше. Его портреты печатались в газетах, он вошел в по распе, его облику и личности, он пошел. Но затем обчтно все кончилось одинаково: его выбрасывали на задворки жизни, как вышвыривали на помойку выжатый амоник. А это парня и уничтожали...

— Когда в фотоаппарат лейтенанта Кованькова: несезный пареня с черными густыми бровями, под которыми лукаво блестящие светлые глаза. Снимаясь для личного дела

наверно, стараясь быть серьезным, а все же характера спрятать не смог. Выпительно рассмотрев фотоаппарат, Рычагов взглянул на себе папку с делами, в которых слово «побег» заменено словами «европейное похищение». В этих делах точно установленным бывало только «факт» исчезновения человека. Другое же, что с ним случилось, чаще всего было неясно.

— Просматривая дела, Рычагов заметил, что в нескольких донесенных нашей разведки упоминалась фамилия майора Хауссона — одного из самых важных работников американской разведки в Германии.

В Западной Берлине Хауссон появился сразу же после окончания войны. Наша контрразведка обратила тогда внимание на американского майора, бывавшего в нескольких поочередных Красного Креста. Под предлогом розыска в немецком тылу своих соотечественников, попавших в плен, майор рисковал главным образом в районах расположения советских войск.

Когда майору намекали, что он ищет американцев не там, где можно их найти, упомянутый Красного Креста мгновенно исчез. Никуда фотографы не нашли свое место в соответствующем отчете.

Вскоре было установлено, что майор ничто перестал интересоваться судьбой своих соотечественников и целиком занялся организацией шпионажа в советских оккупационных войсках. Однако из его постоянных обязанностей стала и обработка перебежчиков из восточной зоны.

Рычагов всматривался в фотоаппарат Хауссона, точнее, зяряющее лицо с глубокими жмидными складками, решительно, тщательно прижатые волосы. Майор снят за столом, перед ним — кофейный сервиз. Рычагов повернул фотоаппарат и прочел надпись: «Кафе «Юрион». Напротив майора Хауссона сидит лицо незнакомое. Рычагов узнал удивительно знакомое знакомство, господина майор. Где вы работали до появления в Германии? Он Вы, оказывается, объяснил чуть не весь мир...»

В девятом часу вечера Рычагов встал из-за стола, потер кулаками уставшие глаза и ушел.

Берлин спал, громадный изувеченный город; физическое увечье его свалилось с увечьем моральным, наносимым ему уже после войны людьми, интерес которых нигде не совпадал с интересами населения. Рычагов думал об этом, иди по пустынным улицам. На стенах домов белели плакаты, звание немец строится все миролюбиво, демократическое государство. Холодный ветер плыл по асфальту сухие листья... Вдруг над западной частью Берлина замаячила лучи прожекторов, из черного неба на спящий город обрушились ред самолетов. Рычагов усмехнулся: знакомая картинка, снова заработала «воздушный мост».

Вот и этот так называемый «воздушный мост» — тоже часть «политической войны» Запада против Востока. С целью дезорганизации экономики восточной зоны западные оккупационные державы ввели в обращение специальную валюту. В Берлине начали одновременно действовать два вида денег. Это породило странную путаницу в ценах, выгодную спекулянтам. В восточной Берлин хлудили банды спекулянтов, дающая советским оккупационным властям, чтобы приостановить эту экономическую диверсию, ввели некоторые ограничения на дорогах, ведущих в западные зоны, медленно был поднят провокационная вой о чернении Берлина. И войба для устранения Западного Берлина от голода американцы организовали доставку туда продовольствия и угля на самолетах. Эту авантюру они назвали «воздушный мост». Именно авантюра, или берлинский продолжал так ни в чем не бывало кормиться за счет советской зоны, а несколько позже стало известно и другое: «мост» действовал в обе стороны, на этих же самолетах из Германии вывозился се национальный капитал.

Рычагов несколько минут наблюдал систоласку прожекторов, плынула и пошел дальше. И снова стал думать о майоре Хауссоне. Можете ли в эту минуту идиор стараясь не смотреть в лукавые глаза лейтенанта Алексея Кованькова, и ждет его ответа на заданный вопрос...

3

Лейтенант Кованьков в это время спал. Да, он спал и даже видел какой-то приятный сон. Но вот веки его взмоготли и открылись. Сначала чуть-чуть, потом широко. Кованьков приподнял голову, осмотрелся и медленно опустился на постельку. Глазные... не забыть все, что случилось за это время, ничего не забыть, ни малейшей детали...

Итак, а девять часов вечера он собрался спать прачке белье. В последнюю минуту, когда он уже наделся пижамы, поволовила Рената и предложила поборщить сачок по городу. Сказала: очень хороший вечер... Вечер, впрочем, был не таким уж хорошим. Дале в пооре выдуются такие дни, когда если сложить зоню показаться, что выйдут звезды. Кроме как ней думают люди, что она тоже может подарить солнечный день, а вечером развист в небе звезды. Но все же, ее оставалась осенью: пронзительный холодный ветер легал в лицо, хлопал сорванными афишам.

Кованьков отнес белье к прачке и встретился с Ренатой. Они бродили по пустеющим в ночи улицам. Говорили о книгах, о звездах, о спорте, о кинофильмах. Молчали о том, что заставило их бродить вояем по городу в этот поздний вечерий час.

Они пересекли Шлоппарк, а затем по улицам Шарлоттен и Массовер вышли к станции метро. Рената показала глазами на сияющую в вышине изгородь вилх, поволовила. Через минуту они уже сели в совершенно пустой вагон подземки и помчались под Берлин. На станции Александралль вышла из поезда и поднялась на поверхность. Площадь была залита луна. Поздний час здесь еще не чувствовалась.

— Подем к реке, — предложила Рената. — К реке так к реке, — засмеялся Кованьков.

— А снова они разговаривали, а о чем — и не вспомнил. У поворота на Варшавский мост Рената остановилась.

— Вот куда я вас затащила!

— Это еще не край света.

— Это край — вдруг серьезно сказала Рената. — На той стороне уе американский сектор. — Она трихнула головой и спросила: — Знаете, почему я люблю это место?

Кованьков оглянулся — вокруг не было никого притаятых в тени.

— Здесь я увидела первый советский танк и первых советских солдат...

— К сожалению, меня в том танке не было, — грустно произнес Кованьков.

Рената посмотрела на часы. Кованьков заметил, что она очень взволнована. Он знал, что под развалинами дома, в который угодила американская фуага, погибли се мать и младший брат... Но теперь он не мог поделить в этот момент Рената волновалась совсем по другой причине.

Вот что произошло дальше. Воле них оставалось такси.

— Рената, здравствуй! — крикнул мужчина, сидевший на заднем шофером.

Рената помалаха ему рукой.

— На машины выехали двое, рослые, хорошо одетые. Они поздоровались с Ренатой и чуть удивленно посмотрели на Кованькова. Рената сказала:

— Познакомьтесь, это мой советский друг, а это мои немецкие друзья по спорту. — Мужчины пожали руку Кованькову и назвали свои имена. Он не запомнил их имена. Да в ясно тепле той имени он услышал, конечно, не настоящие.

— Долго еще собираетесь стечью место? — смеясь, спросил у Ренаты один из мужчин.

— Пожелаю, уже пора домой, — отетила Рената.

— Садитесь, мы вас поведем.

— Подем? — обраталась Рената к Кованькову.

— Можно, — четвердо ответил он, понимая, что поступает неосторожно.

— Выбравшись из такси, Рената села на заднем сиденье, Рената — рядом с шофером.

— Вы обрахли когда-нибудь внимание на эту червот? — спросил у Кованькова сидевший слева от него спортсмен.

Кованьков прищурился, чтобы увидеть червот, и в это мгновение ему в лицо шмякнуло что-то влажное, очень остро пахнувшее... Боль-

ше он ничего не помнил вплоть до того, когда очнулся вот в этой комнате. Сколько пробыл без сознания, он не знал: часы с его руки спали. Окно в комнате не было. На столе стояла большая кружка с черным кофе, на тарелке лежал кусок холодной телятины, на деревянном подносе белела разрезанная на тонкие ломтики булка. Все это часа два назад висело и поставил на стол высокий костлявый солдат в американской форме.

— Позовите сюда ваше начальство! — крикнул ему по-немецки Кованьков. Солдат даже не оглянулся и вышел из комнаты. Щелкнула дверной замок. Кованьков подошел к двери и принялся колотить в нее кулаками. Дверь была массивной. Удары вымывали мягкий, жалкий звук. Кованьков снова лег на постель и забился в странном полусне. Наверное, на него тогда еще действовало спитворное. Болея голова, к горлу подступала тошнота...

Очнувшись сейчас, Кованьков чувствовал себя несколько лучше, только чуть-чуть побаливала голова.

— Бадинты! — произнес он громко. — Хотите, чтобы я стал предателем? Не выйдете!

4

Разработанный Рычаговым план действий обсуждали уже третий час. В сених от табачного дыма кабинете полковника Семина сидело человек десять. Завершая обсуждение, полковник сказал:

— План хороший, смелый и умный. То, что еще не совсем ясно, Рычагов продумает. Когда вы, Рычагов, просите в свою оперативную группу?

— Субботина и Посельскую.

— Ну, что же, утвердим, товарищи?

Кто-то сказал:

— Уйти, Рычагов, что Посельскую надо сдерживать.

— Хорошо, — Рычагов улыбнулся. Он прекрасно знал, чем вызвано это предостережение в отношении Наташи Посельской.

— Меня очень тревожит, — сказал Семин, — последнее сообщение западного радио, будто Кованьков боится расправы над ним с нашей стороны, просит не устраивать пресс-конференции и не допускать к нему журналистов. Не узнали ли они его из Германии?

— От них можно ожидать всего, — согласился Рычагов — но, так или иначе, мы должны найти ход бы след Кованькова.

Через час оперативная группа Рычагова уже приступила к работе.

Сразу после совещания в кабинет полковника Семина пришла четверо немцев. Все они были в летках, все рослые, нетерпимые в движениях, лица суровые, резко очерченные, руки узловатые, натруженные.

Полковник поговорил с каждым и пригласил присесть к столу. Всмотревшись в угрювые лица немцев, он рассмеялся:

— Что это вы все такие мрачные? Все четверо скупно улыбнулись. Сидевший ближе к Семину совершенно седой немец сказал глухим голосом:

— Возмущены, товарищ полковник. Боимся: не справитесь с этим заданием партии.

— Справитесь, друзья! Наверняка справитесь. Да и никто, кроме вас, не сможет обеспечить безопасность нашей будущей демократической республики. В отличие от западных

держав мы не собираемся долго оставаться здесь и навязывать вам свою волю. Вы же обсуждаете свою конституцию. Скоро она станет законом. — Семин улыбнулся. — Ох, и не поправится же это тем, кто орудует на западе Германии!

— Им поперек горла и то, что у нас уже есть — свобода седой немец. Да, политическое святое дело — безопасность нашей новой жизни. Опыта у нас нет. А у них и опыт и вышколаемые при Гитлере кадры.

— Опыт — дело нужное. Помните, Тельман сказал: самый лучший опыт обретается в борьбе. Так вот насчет опыта моего кое-что расскажут... В двадцатом году меня, двадцатилетнего рабочего парня из железнодорожного дела, ввели в кабинет Дзержинского. Сказал ему: вот еще один из мобилизованных партии. Дзержинский поговорил со мной и предложил: «Садитесь, сейчас мы поговорим о вашей новой работе». Он раз пять начал этот разговор, но продолжать так и не смог: то кто-нибудь входил, то звонил телефон, а потом избегал сотрудников и сообщал что эсэсэ-террористы проводят тайное собрание, а послать туда некого. «Как это некого?» — удивился Дзержинский. — Вот вам прекрасный, смелый и расторопный товарищ, — показав на меня. — Дайте ему оружие и позвольте вместе идти». И мы поехали на крыльях, как члныат, пятерых террористов. А дня через три я уже ходил на операции старшим в группе. Потом Дзержинский каждый раз при встречах со мной смеялся: «Ах, товарищ Семин, а вот вы в перед вами, до сих пор не поговорили о вашей новой работе!»

Немцы улыбались, поглядывая друг на друга и на Семина. Один из них сказал:

— Мне довелось двадцать пять лет назад быть возле Тельмана в горные дни, сразу после разгрома гамбургского восстания. Сидим однажды. На душе тяжело. Вдруг Тельман засмеялся и говорит: «Все эта черная шкура не понимает, какой великий урок она нам преподает. Теперь-то в свой час мы будем действовать наверняка, развернем фронт, по всей Германии! И мы будем ломать их крепости, приговаривать спасибо, тостова, за академику двадцать третьего года!»

Немец тяжело вздохнул:

— Вот если бы Тельман был сейчас с нами...

— Партия с вами, а это значит, и Тельман с вами — жеско правые Семин. И мне хочется напомнить вам еще одно его высказывание: революционер — профессия массовая, а иначе нет и революции. К этому можно добаввить: защитник революции — профессия массовая, а иначе защита ненадежна. Нам партия поручила обеспечить безопасность строительства социализма, и я уверен, с этим действительно святым делом вы справитесь с честью.

— Наше волнение, товарищ полковник, не от трусости, а от понимания ответственности, которую несет седой немец. — Мы вот, — он показал на своих товарищей, — еще вчера были рядовыми функционерами партии у себя на заводе. Мы знаем, как обрабатывать металл и как говорить с теми, кто его обрабатывает. Образование мы получали еще при кайзере: грамота да таблица умножения.

Семин улыбнулся:

— А у меня данные о вашем образовании совсем другие. Например, каждый из нас пробыл от десяти до пятнадцати лет в тюрьмах и концлагерях. Это что, не верно? Не хорошо, нехорошо, товарищи, скрывать академическое образование.

— Люди, которых мы уже набрали, — улыбаясь, сказал седой, — смотрят на нас, ждут совета: с чего же начинать? А мы сами сморим друг на друга: с чего начать?

— Ну, поскольку русская словесница утверждает, что лица беда — начало, на первых порах нам поможем. Мы вот сейчас развертываем одну сложную операцию, которая в конечном счете направлена на защиту нашей жизни. И наши помощники нам сейчас пригодятся. Принимайте ко мне сегодня вечером человек пять энергичных сотрудников. Мы включим их в нашу операцию. Это для них будет и началом и учебой.

(Продолжение следует).

ДЖОН ХАРТФИЛЬД И ЕГО ОРУЖИЕ

Более четырех десятилетий служит делу мира и прогресса замечательное искусство немецкого художника-коммуниста Джона Хартфильда — непревзойденного мастера фотомонтажного политического памфлета.

Талантливый сын немецкого народа, пережившего за короткий срок трагедию двух войн и ужасы гитлеровского фашизма, Хартфильд гневно бичует эсэсовские памфлетыки подстрекателей и адювантелей военных авантюристов — империалистических хищников и их марионеток.

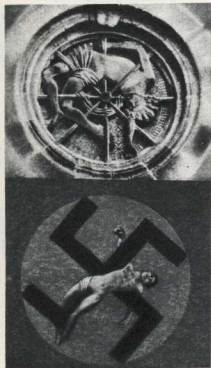
Вынужденный в годы гитлеровского режима эмигрировать из Германии, Хартфильд после войны вновь вернулся на родину и сейчас живет в Германской Демократической Республике. Творчество Хартфильда стало боевым оружием его соотечественников в борьбе за новую жизнь. Отличаясь идейной глубиной и яркостью образов, его искусство помогает простым людям понять, кто их враги и кто друзья.

Недавно Хартфильд посетил нашу страну. В Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, была устроена выставка его произведений.

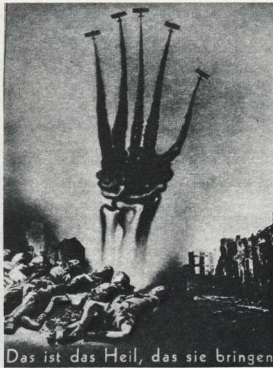

«Война и трупы — последняя надежда богатых».

«Как в средневековье, так и в Третьей империи».

«Вот благо, которое они приносят».

Das ist das Heil, das sie bringen

«Требуется запрещение атомного оружия!»

Fordert:
Verbot der Atomwaffen!

«Если мы все не захотим, этого никогда не будет».

(Окончание. См. «Смена» №№ 13—15)

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Однажды ночью нас разбудил осторожный голос.

Мусье русс! Мусье русс! — тихо звал кто-то.

Свиных, спавший со мной рядом, толкнул меня в бок.

— Кто это может быть? — прошептал он. Поглядев на меня, ответил я и тихо позвал по-французски: — Товарищ, подождите ближе!.

В темноте мы увидели полуголого человека в чалме, но не могли различить, стар он или молодой. Новой гость начал что-то быстро-быстро говорить. Я не понял ни одного слова, только почувствовал волнение алжирца. Встав с постели (если так можно назвать каменный пол в нетугой пещере, застывший брезентом), я обнял за плечи незнакомого и усидел рядом с собой.

— Товарищ, друг! Только спокойнее. Ты среди людей, которые делают все, что в их силах. Смишись?

Вместо ответа алжирец заржался. Его худые плечи прыгали под моей рукой. Я почувствовал, как предательская струйка пота и у меня по щеке. Оказалось, что трое его товарищей заболели почти неизлечимой здесь болезнью — тропической малярией. Следили из могил только «белые горные порошок». Мы догадались, что речь шла о хинне.

Алжирцы работали на прокладке тоннеля по найму, но несли бремя смерти в котлованах. Им платили гроши, которых не хватало на пропитание. Они умрали сотнями. Однажды товарищ Рахмата (так звали алжирца) уже погибши от той же малярии. Теперь их осталось трое. Если умрут и эти его друзья, он останется один, и, конечно, белого света ему не видать.

Расказ Рахмата заставил нас в ярости сжать кулаки: до каких же пор будет страдать алжирский народ! На своей земле он не знает ни пристанца и обречен на медленное вымирание. Мы знали, что из года в год ископаемых жителей Северной Африки становятся все меньше и меньше, зато жиреют и богатеют колониаторы... Хотелось кричать, от тоски и боли. Хотелось взять оружие и идти, идти, идти, чтобы не оставалось этого жалкого воронья на алжирской земле. Но бит, к сожалению, было нечем...

— Кто же здесь? — заговорил Свиных после таяющего молчания.

— Ума не приложу, где можно достать хину.

И вдруг у меня мелькнула спасительная мысль.

— Слушай, Василий, а если у жандармов... Свиных сразу понял мою мысль и сваял меня за руку.

— Молчи! Все ясно.

Он быстро поднялся, но я вцепился в его рукав.

— С ума сошел! Тебя же схватят одного.

Палатка с аптечкой тщательно охранялась жандармами — это мы хорошо знали, и все-таки хину нужно добыть! Решил обхитрить жандарма, который стоял на посту.

Мы далеко за полночь. Звезды — разноцветные, крупные — светили ярко. Луна хотя и скрывалась за горой, но ее бледный свет заливал окрестности.

Мы разделились: Свиных притаялся у входа в палатку, а я залег в другой стороне. Когда жандарм был от меня поблизости, я бросил камень далеко в сторону. Жандарм круто

повернулся на звук, вскинул винтовку и замер.

«Только бы не стрелял!» — подумал я и снова запустил камень. Он упал в кусты. Послышался треск сухих ветвей. Все это было так похоже на то, будто человек подбирается по зарослям, что даже я забеспокоился: уж не угодил ли в кого-нибудь?

Жандарм вдруг упал и осторожно поковылял к тому месту, где послышался подозрительный шум. Свиных ажочил в палатку, быстро нащел аптечку, хранившуюся в небольшом цинковом ящике, и тут же выбежал обратно.

Рахмат терпеливо ждал нас. Он, конечно, не знал, на какой отчаянный шаг мы решились, но понял, что лекарство досталось нам нелегко. Когда мы молча положили ему в руку пакетики с хинной, он вдруг упал на колени и обнял наши ноги.

— Что ты делаешь? — вскрикнул Свиных. — Разве так можно с друзьями!

Мы силой подняли араба, который снова расслапсая, но теперь уже от радости, и строго-настроено предупредил, чтобы он никому не говорил, откуда и как мы решились «слынуть алахаом!» — прошептал алжирец. — Резать будут!... Он не договорил и скрылся в темноте.

Прошло два дня, и вдруг ночью мы снова услышали знакомый шепот:

— Русс камра!

Мы бросились к алжирцу. Он повис на наших руках. Хина не помогла его друзьям, их организм был слишком истощен голодом, все трое погибли. Жандармы не разрешили похоронить умерших по религиозному обычаю, чтобы не привлекать внимания к похоронной процессии. Они приказали солдатам оттащить трупы подальше в ущелье и там бросить их.

Мы договорились по той бы то ни стало похоронить погибших.

Не будучи расскazyвателю, каких трудов нам стоило выбраться из лагеря... В условленном месте нас ждал Рахмат. Он был так худ, что казалось, ребра прорвут его тонкую кожу. Мы подхватили Рахмата под руки и пошли.

Минут через десять за поворотом мы увидели два или три десятка шакалов. Хитринки лежали вокруг треск скелетов и сладко жмурились на солнце, несколько штук, рыва, слизывали с камней заплекующую кровь.

— А-а-а! — дико закричал Рахмат, вырвался из наших рук и бросился бежать к останкам своих товарищей. Шакалы шаркались по нему стеной. Рахмат промчался мимо скелетов, упал, перевернулся и полетел в пропасть.

БЕГСТВО

Ночью я видел кошмарные сны. Стонал, просыпался, а под утро вдруг приснился Нас — девушка, которая ждала меня в Мокне. Ее лицо было в слезах. Она тянулась ко мне, а потом нежно взяла за левую руку и прижалась к ней. Я проснулся — и вдруг увидел змею! Она обвилась вокруг левой руки и, казавшись с любовным вниманием рассматривала меня, деловито рвала глотками. Отнести взгляд от этой глуп не было сил. Меня снова ужас, а даже не мог закрыть. И это спасло меня.

Услыдев волю я застал себя осторожно шапчат правый рукав кирку. Молчаливостью движением правого голена привел ступенчатую и только после этого закричал. Проснувшиеся товарищи отскели змеиную голую, но туловище только втроем смогли раскритиковать: оно только окаменело.

Страх, перекричит мною, на время лишил меня речи. Я долго сидел молча, уставившись в одну точку, видя перед собой зеленые пятнышки глаза змеи.

Как-то в мае на платформах отвозили каменный шебень на станцию Дрес. В пяти километрах от нашей каменоломни вдруг замесили людей, одетых в такие же костюмы, как и мы. Это оказались французы, осужденные на каторгу. Узнав, что мы русские, они начали кричать:

— Да здравствует Советская Россия!

— Да здравствует Ленин!

Несмотря на то что жандармы были каторжан прикладами винтовок, крики не утихали: — Мы отказались стрелять по Одессе! Почтенный Клеменс подарил нам за это Африку!

Мы еще и еще раз убеждались, что французские солдаты, Чувствуя интернационализм невольно рожу, укреплялись в наших сердцах. Я на всю жизнь, например, запомнил простых итальянских солдат, служивших во Французской Африке. Они делились с нами лаем, чтобы мы могли пить воду с лимонным соком и спастись от малярии. Они рисковали своей свободой, но все-таки регулярно помогали нам, даже хину снабжали, хотя они стояли огромных денег.

28 августа 1920 года со мной случилась несчастье. Утром я взял фляги и отправился к ручью. Мы всегда пили только кипчевную воду, но было так жарко, что я не утерпел и жаждо наполнил прямо из ручья.

Через три часа меня начало тряссти. Мальярия! Товарищи отнесли меня в пещеру, уложили в тень, дали выпить хины из запяток, которыми делились с нами итальянцы. Я впал в забытие, а когда очнулся, вдруг услышал разговор двух французских солдат.

— Жорж, ты слышал новость? Русских хотят отправлять в Россию. Ленин обменял их на пленных французов.

— Век, что ли? — спросил другой.

— Да нет. Из госпиталей только.

Солдаты прошли. Я приподнялся на брезенте. Да, бегство в госпиталь было единственным моим спасением! Товарищи мои работали в двух километрах отсюда, в другой стороне от госпиталей. Сообщить им о своем решении не мог: скоро должен был повториться приступ. Я нацарпал угольком на цинковом ящике несколько слов об услышанной новости, сообщил, куда идю, и поспешив ведро на видном месте.

Осторожно оглядываясь, чтобы не попасть на глаза охране, я стал выбираться из лагеря. Шесть тоннелем, в крошечной темноте, пока совершенно не обесседал. Обо что-то споткнувшись, упал и потерял сознание. Когда очнулся, нащупал стену тоннеля, целаясь за выступы камней, поднялся и с трудом двинулся вперед.

Копаясь, пробитый нам, туннель на двенадцать километров... Много раз я терял сознание, но не чувствовал ни боли, ни усталости. Только мое было словно налитое

Рисунок

П. Пинкисевича

Составил Б. Федоров

Ткани из искусственного волокна

Давно люди замечали, что черяноцеллюлозный обволакивающий гусениц эластичной прочной нитью, размотав которую можно получить тонкую шелковистую пряжу.

Ученые заинтересовались шелководством. Они обнаружили, что в его шелкообразующий густая, вязкая жидкость. Исследования показали, что в узлах и петлях нити из искусственных волокон находятся в состоянии сжатия. Когда гусеница приходит время окукливаться, она выдвигает из отверстия такую тонкую нить, которая может месяцами находиться в воде, не теряя своих качеств. Единственный недостаток нити — она очень чужда к горячим лучам солнца, под действием которых его волокна разрушаются. Попробуйте прогладить несильно раз нагретый чулок горячим утюгом — он расплавится и потечет, как индийка.

Недавно было изготовлено новое искусственное волокно — нитрон. Сырьем для него служат углекислый газ, образующийся при переработке нефти. Нитрон значительно прочнее хлопка. Изделия из него не боятся сырости, влаги, плесени. Они устойчивы по отношению к высокой температуре.

В Центральном научно-исследовательском институте шерстяной промышленности успешно изготовлено примесью от 20 до 50 процентов нитрона. Эти ткани почти не мнутся и имеют малую усадку. Они не впитывают жир и масло, легко поддаются чистке. Достаточно потереть ткань влажной тряпочкой, и пятна исчезнут.

Своего предприятия начнут массовое изготовление таких тканей. К концу 1965 года производство синтетических волокон увеличится в 5-8 раз. Нитрон и другие искусственные волокна широко войдут в наш быт.

делает их более нарядными и не менее прочными. Но есть у вискозного шелка и недостатки: он боится воды. Ученые стали думать: нельзя ли сделать такой шелк, который, сохраняя качества вискозного, был бы влагостойким. Такой шелк уже создан. Он получил название капрона.

Капроновая пряжа не боится сырости и чрезвычайно прочна. Из нее изготавливают носки, чулки и разные другие изделия. В рыбной промышленности уже давно нашли применение капроновые нити, которые могут месяцами находиться в воде, не теряя своих качеств. Единственный недостаток капрона — он очень чужда к горячим лучам солнца, под действием которых его волокна разрушаются. Попробуйте прогладить несильно раз нагретый чулок горячим утюгом — он расплавится и потечет, как индийка.

Недавно было изготовлено новое искусственное волокно — нитрон. Сырьем для него служат углекислый газ, образующийся при переработке нефти. Нитрон значительно прочнее хлопка. Изделия из него не боятся сырости, влаги, плесени. Они устойчивы по отношению к высокой температуре.

В Центральном научно-исследовательском институте шерстяной промышленности успешно изготовлено примесью от 20 до 50 процентов нитрона. Эти ткани почти не мнутся и имеют малую усадку. Они не впитывают жир и масло, легко поддаются чистке. Достаточно потереть ткань влажной тряпочкой, и пятна исчезнут.

Своего предприятия начнут массовое изготовление таких тканей. К концу 1965 года производство синтетических волокон увеличится в 5-8 раз. Нитрон и другие искусственные волокна широко войдут в наш быт.

Б. РОЗЕН

Бессменный часовой.

Листая иностранные газеты и журналы...

ДАЛЫНИ ПРИЦЕЛ «СВЯТЫХ ОЦОВ»

Галета «Нью-Йорк таймс» без тени иронии поместила следующее сообщение из Рима, основанное на официальном заявлении представителя Ватикана.

«Руководители круты римско-католической церкви изучают вопрос о выборе святого патрона для будущих путешествий в космос. Наиболее шансы странствовать в космическом пространстве имеют святой Иосиф Коперник — французский монах, живший в XVI столетии в Италии. Выбор пал на него потому, что, будучи в состоянии астрологического экстаза, он, согласно преданию, «встал в эфир»...». Это, однако, не мешает современным католикам выискивать «Святые отцы» внимательно следят за каждым словом научной мысли людей на «трешней земле», чтобы использовать любую возможность в интересах своей реакционной пропаганды.

М. ЛАЗАРЕВ

«ОРИГИНАЛЬНАЯ» ЛОТЕРЕЯ

Некому У. Дж. Соррелли из города Туласа, штат Оклахома, пришла в голову «оригинальная» идея. Он устроил в частую лотерею, по условиям которой тот, на чей билет падет выигрыш, получает на целый год в собственность... самого Соррелли. В течение указанного срока устроитель лотереи обязуется безвозмездно выполнять любое задание, которое обладатель выигрыша вдумает ему пожелать, при условии, что задания не будут связаны с нарушением закона и моралью. Стоимость билета — десять долларов.

Западногерманский журнал «Дер штерн», опубликовав эту историю, сообщил, что нечестливые лотереи и чья-либо собственность на год под 32-летнюю юрисдикцию У. Дж. Соррелли. Возмущенные жители удались. Может быть, просто не нашлось соотингов, приобритель дамы денегского рабства безработных, готовых продать свою свободу за любые условия, в США терять миллионы.

М. ГУРМАН

По горизонтали:

- Представительница узбецкого музыкального искусства. Народная артистка СССР. Б. Спиритусов. Бегун на короткие дистанции. В. Пристоблинов и Кембайну, применяемое при разделной уборке хлебов. 9. Высокоурожайный сорт картофеля. 11. Представитель народности, населяющей арабские страны. 12. Синтетическая смола. 15. Выходящий русским тиражом журнал. 14. Один из заключительных моментов в кораблестроении. 17. Вспомогательный торец. 18. Торец для измерения электрического сопротивления. 22. Город в боях под которым участвовали первые отряды Красной Армии. 23. Директор Новых. 24. Машина, выполняющая одновременно работу нескольких механизмов. 25. Двадцатилетний и публицист, основоположник пролетарской поэзии в Чехословакии.

По вертикали:

- Птица. 2. Пригород Парижа. 3. Гатинг расиста М. Горького. 4. Универсальный механический термометр. 7. Исламский торец. 10. Двухместный корабль, основанный сто лет тому назад. 11. Величина. 12. Звуковой хребта в Закарпатье. 13. Вспомогательный торец. 14. Крутой центр нефтяной промышленности в Бакинском районе. 19. Выдающийся испанский скрипач и композитор. 20. Оперы В. Сметанны. 21. Русский ученый. 24. Советский ученый. 25. Выдающийся поэт и публицист, основоположник пролетарской поэзии в Чехословакии.

5	2	3	4
6	7	8	9
10	11	12	13
14	15	16	17
18	19	20	21
22	23	24	25
26	27	28	29
30	31	32	33

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫМ В № 14

- По горизонтали:
- Кливеры. 6. Хирсон. 7. Капрон. 10. Пшецлав. 12. Тагор. 13. Дима. 16. Лангомери. 19. Сувага. 20. Антуан Франк. 24. Лысенко. 26. Корабль. 27. Рембрандт. 28. Любимый. 29. Антипин.
- По вертикали:
- Златина. 2. Архангел. 4. Ибисов. 5. Воиент. 8. Статор. 9. Варшаву. 11. Салават. 14. Волна. 15. Аниме. 16. Дюймовочка. 12. Податинет. 16. Моуги. 17. Агрессор. 18. Рудимент. 19. Остров. 20. Аппалач. 23. Роль. 25. Оприн.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫМ В № 15

- По горизонтали:
- Форма. 6. Мышловина. 9. Асавов. 10. Грешин. 13. Волна. 14. Аниме. 15. Дюймовочка. 20. Соплинер. 21. Федерация. 22. Аниогация. 24. Нислострой. 25. Копал. 29. Моном. 30. Эрль. 31. Шарпан. 34. Шарпан. 35. Фалочитоз. 36. Динам.
- По вертикали:
- Бейденков. 2. Амалгама. 4. Рудец. 5. Аниме. 7. Исидор. 13. Дюймовочка. 16. Моуги. 17. Десин. 18. Реция. 19. Витал. 24. Аниме. 25. Ларин. 26. Помологит. 27. Волшина. 30. Онтан. 32. Ханой.

Первая страница обложки: На высокогорном пастбище в Киргизии. Фото М. Муразова.

Четвертая страница обложки: В выходной день на Кольцовском водохранилище под Москвой. Фото Л. Березина.

Главный редактор М. А. Велички.

Оформление С. Славского.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, д-7, 1-я улица Языкова поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д 3-34-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д 3-31-68, студенческой молодежи — Д 3-35-24, черная и публицистическая — Д 3-35-24, фототехническая, иллюстрация — Д 3-34-25.

А 03566. Подписано и печатно 16/VI 1958 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 931. Заказ № 1813. Формат бумаги 70х106мм. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордене Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. ... 24.

С. Лозовой.

Иллюстрация к «Уральским сказам» П. Банова.

ЧЕТВЕРТАЯ ВЫСТАВКА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОЛОДЫХ
ХУДОЖНИКОВ МОСКВЫ

К. Соколов.

Иллюстрация к «Неизвестному» Эльзы Триоле.

С. Чехов.

Восстание.

ХИРОСИМА
НЕ ДОЛЖНА ПОВТОРИТЬСЯ!

Я. Мукухин.

Планат.

Цена номера
2 руб.

